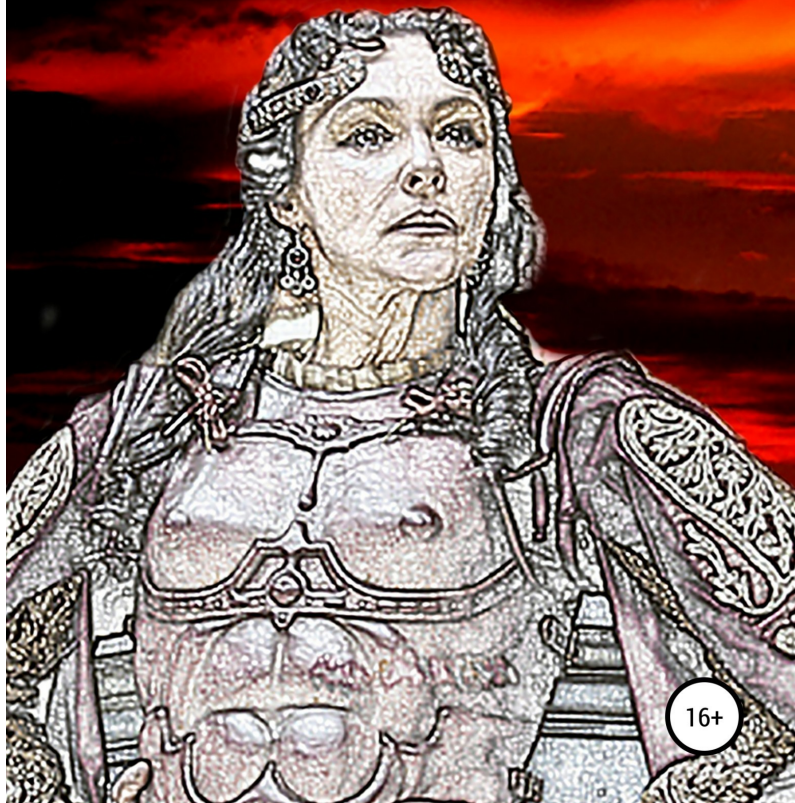

ИСИЗА ТАН БУА

ЦИКЛ КНИГ **МАТРИАРХА**
Виктор Миронов

16+

Виктор Иванович Миронов

Исиза Тан Бул

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39223584

SelfPub; 2018

Аннотация

Исиза Тан Бул – Исида Бул = Исиза – дочь. Тан – Тейя. Бул – белый (свет). История и причины строительства "Истанбул" на Босфоре. Возникновение столпов Мелькарта. В период фальсификации истории переехали на Гибралтар и были названы Геракловы столпы. Художник Ева Никольская и авторские картинки.

Содержание

Воинственный клич	6
Лунное бдение – 1	12
Глава – 1	26
Глава – 2	37
Глава – 3	51
Глава – 4	60
Глава – 5	66
Глава – 6	79
Глава – 7	87
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Итак, послушайте наставления сиятельства Тийи; блаженны те, которые хранят четыре стороны пути моего! Будьте мудры не отступайте от них. Блажен человек, ко-

торый слушает меня, бодрствуя каждый день у врат моих и стоя на страже у дверей моих! Потому что, кто нашел меня, тот нашел жизнь, и получит благодать; а согрешающий против меня наносит вред душе своей: все ненавидящие меня любят смерть.

Притчи Тин – ниТ.

Воинственный клич

Нищета отвергающему учение. Соблюдай наставление, будешь в чести. Желание исполнившееся – приятно. Несносно глупому уклоняться от зла. Общайся и будет мир, а дружба с глупым – разврат. Притчи Тин_ниТ.

В 6675¹ лето от Сотворения Мира в Звездном Храме. Вот-вот начнётся величайшая в истории трагедия. Потечёт время первого её акта: дым пожаров, людские стоны, сопутствовали ей. Воины постелят телами своими поля и заполонят эфир небесным воинством. Уста исторгнут воинственный клич и покажется живым, что настал последний час бело-аметистового мира. Вот-вот пробудится красно-чёрный мир от оцепененья, отвергнет покойную жизнь, откажется от переговоров и перемирий. Как бы то ни было, Тайт Мосул² должен был убедить своих солдат, своих врагов и друзей, что Исида сражается на его стороне. С этой целью, согласно традиции, в храме Исиды на острове Ка Ра Аманд, в священном адетоне Тиннит, он взял на себя клятвенные обещания увенчать задуманное предприятие успехом. Станут распространяться слухи о чудесном сне – будто бы привидевшемся Тайту – явно предвещающем победу. Надежда на новые по-

¹ 1167 год.

² Сын Гай Мельгарда (Гамилькар), не путать с Гай Мельгардом Баркой (Гамилькар Барка).

беды, богатую добычу, и в какой-то мере страх перед требованиями Ань Ти Нетери³, заставили воинов по весне, после рождественских мистерий, возвратиться в строй.

Воинство ханнаанеян ползло необоримым змеем к переправам реки Дунай. Тейя Ань Нетери слышать ничего не хотел о переговорах. Она жаждала боя и пролития крови, даже если ей самой суждено будет в этой крови захлебнуться. История сохранила память об её титаническом усилии по объединению мира, которое казалось по плечу гиганту. Возможно ли было спасти тут миролюбие? Казалось, для Ань Ти Нетери невозможного не существует. Граждане Пан Ти Капуи глядели на готовящееся спокойно и даже приободрились. Тысячи моргающих глаз готовились проводить Владыку Надзора, тысячи уст вослед повторяли Тайт Мосулу:

«Благословим тебя Мелькарт – Сокол!».

Этот гул прокатился по всему народу. Войско тронулось. Под ударами снежного вихря зашумела в лесах обитель мёртвых. Из глоток вырвался душераздирающий вопль:

– Спасайтесь! Спасайтесь! Начинается Тайт Мосула ход!

Народы у приднестровского лимана взбурлили, как весенний поток. Костры врагов будут затоптаны: телеги, палатки их опрокинуты, жилые дома, разрушены. Страшная паника

³ Мать Тайт Мосула. Старшая жена в гареме Гет Бел Ра Амона – непосредственно Амон Ра: первосвященник храма (он же Гай Мельгард и Юрий Долгорукий, и Цезарь). После смерти Гай Мельгарда и Гай Мельгарда Барки (Антоний) фактически регентша сына Тайт Мосула, хотя и был он уже взрослый. Являлась смертельной конкуренткой Великой Жены гарема Амона Ра – Кийи.

лишит рассудка: люди душились, резались. Горы тел выростут на тропе войны. Живые будут карабкаться по трупам среди рёва, воя, визга, стонов. Начнётся рукопашная борьба и резня за новую тракию для Исиды. Поля покроются телами мёртвых, то армия ханнаанеян и тартессиев кинется на очередного врага. Немеркнущая история определила стать страшной плеядой основания города Исизы Тан Була⁴.

Ужасные вопли достигли слуха Вершины Кийи⁵, и она поняла, что происходит. Напрасно Ань о Кийя⁶ повернулась к Тейе, напрасно помчалась навстречу её трону, воздев руки. Голос Кийи потерялся в рёве тысяч глоток ханнаанеян: людской поток подхватил Тайт Мосула и повлёл навстречу победе. Инфантеры были ошеломлены открывшимся зрелищем. Лишь поначалу приняли они сумятицу эту за отчаянную попытку врага вырваться, трудно поверить глазам, угурты бросались на тартессиев.

Югурта не принимал условия Тайт Мосула и жертвовал своей головой, не спасая и народ свой, и войско. Убийство пронизало самый воздух и вселилось в каждого. Жалость иссякла в сердцах, резня продолжалась: такая резня, какой не доводилось видеть и бывалым воинам. При воспомина-

⁴ Стамбул.

⁵ Ань о Кийя: непосредственно титул Великой Супруги (она и есть Исида) и названия города. После въезда в город Ань Ти Нетери получило название Ань Ти о Кийя (Аньтиохия). Тейя Нетери узурпировала титул Исида. Тейя и Кийя – из них обоих составлены образы Нефертити и Клеопатра.

⁶ Ханна Кийя.

нии о ней у них долго волосы на голове шевелились. Торжествовали дни гнева Тейи Ань Нетери – её победы и суды Ханнат-Разрушительницы. Руки регентши сделались красны: понятно было, на них кровь гибнувшего народа. Когда же мать и сын окутали землю светом, то сами эти победители устрашились того, что сотворили. Прозвучали молитвы: не радости слёзы, а слёзы печали и сострадания катились из благородных тракийских очей. Цветущий край надолго превратился в гигантскую гробницу.

Долгое время продолжались слышаться слова:

– Ань Ти Нетери! Исида! Пусть она благословит меня!

Так был разыгран Тейей Ань Нетери первый акт войны, разросшийся до войны со всеми Балканами. Тема этой войны занимает в истории особое положение. Победы в этой войне Ань о Кийя и Тейя овладела бы другим лицом: и уже вследствие этого читаемые вами истории являются комплексными, каждая со своим характером.

Войны охватывали обширные территории и я, дорогой читатель, постараюсь разобраться во многих существенных историях того времени, имеющих принципиальное значение. Осмысление читателем историй, является необходимой предпосылкой для понимания всех войн. Эти войны воодушевлялись духовными лозунгами, то было явление характерное для эпохи отмеченного религиозными догмами. И эти догмы заметны в сказаниях, легендах и мифах. Многоразличные знамения в небесах и на земле грозили небывалы-

ми событиями. Хронисты сообщают, что являлось в облаке кольцо обручения. Ко всему ещё и зима была холодная, Дунай сковало льдом, и, питаемый снегом, он грозил выйти из берегов и залить поймы. Часто шёл снег, мартовское солнце в полдни ещё не припекало. Все ожидали небывалых событий и обращались взором на юг к Дунаю, так как устремления Тейи возлагалось на эту реку. Но пока ничего примечательного не происходило. Никаких особых побоищ или стычек, кроме привычных и всегдашних, не случалось, а о знаках примет ведали разве что орлы, вороны, ястребы да полевой зверь. Было тише обычного.

Лунное бдение – 1

Во множестве народ – величие. У терпеливого много разума. Раздражительный выказывает глупость. Кроткое сердце – жизнь, а зависть – гниль для костей. Кто теснит бедного, тот хулит. Притчи Тин_ниТ.

В 6712⁷ лето от Сотворения Мира в Звездном Храме. Рамхат (сентябрь) месяц в ночь с девятого на десятое Ань Ти провела в тишине своего кабинета. Алорк, пройдя коридор, остановился перед полуотворенной дверью, через которую можно было видеть комнату. В ней жила Ань Ти Нетери. Взобравшись на стул, она, дрожащей рукой, поправляла клетку ставен её окошка. Она услышала знакомый голос:

– Вы вызывали, госпожа?

Старуха вскрикнула и обернулась. Увидев писаря, она вся бледная и дрожащая сошла со стула.

– Что с вами, госпожа? – спросил Алорк с беспокойством. – Вы больны?

– Нет, нет, милый Алорк, писарь мой, нет! Я ждала тебя... Но ты застал меня врасплох... Мне кажется, что я умру!

– Успокойтесь, госпожа, это же я. Улыбнитесь, не смотрите на меня безумными глазами. Всё будет хорошо.

– Тем лучше, – ответила старуха, – но как же всё будет

хорошо? Расскажи же мне о своём счастье!

– Да простит меня госпожа, что я радуюсь счастьем, но вы видите, я желаю этого счастья... Но что с вами, госпожа? Вам дурно?

– Ничего, ничего... сейчас пройдет!

Силы изменяли старухе, и она откинулась в кресле назад.

– Сейчас, госпожа! Выпейте вина, это вас подкрепит. Где здесь вино?

«– Нет, спасибо, не ищи, не надо», – сказала Тейя, стараясь удержать писаря.

– Как не надо!.. Скажите, где вино?

«– Постой, постой», – сказала старуха улыбаясь.

– Делайте, как вам угодно, но прежде всего позовите служанок. Я не хочу, чтобы вы были сейчас одна. Тише! Кто-то идет.

«– Это, должно быть, служанки», – сказала Тейя.

– Вот уста, которые говорят одно, между тем как сердца их думают другое, – прошептал Алорк. – Но всё равно, они оказывают вам услугу! Причём ласково.

В дверях показались служанки; в руках они держали кусок сукна, который они намеревались превратить в полотенце.

– Мы! Пришли, госпожа! – сказали они, широко улыбаясь, так что видны были зубы, белые, как слоновая кость.

– Покорно благодарю вас. К счастью, мне ничего пока не нужно. Иной раз другие во мне нуждаются.

Алорк заметил искру гордости, блеснувшую в широком

глазе Тейи.

– Это радует всех ваших друзей.

«– Да, Алорк», – сказала Тейя. – И теперь, когда я тебя повидала, когда я знаю, что ты здоров и что у тебя есть всё, что тебе нужно, я попрошу у тебя всегда быть рядом, – и велела записать следующее:

«Граждане, вы правы, назвав меня своей матерью – я живу только ради счастья народа. Моё возвращение рассеет вашу тревогу: оно гарантирует сохранность вашей собственности. Равенство сословий и права являются ныне частью вашего существования».

Ань Ти продолжала себя тешить надеждой на верноподанных горожан, любящих свою мать Исиду.

– Если год назад я предпочитала вернуться и разжечь пламя гражданской войны. То сейчас мне не остаётся иного выхода, кроме бегства. Пусть же Провидение, устав от своих преступлений, восторжествует над подлыми и трусливыми своими расчетами и предаст мне Кийю во мщение.

– Всё это, на мой взгляд, – рассужда Алорк – долго тянуться не будет. – Думаю, Вам не остается ничего другого, кроме как не отпускать войска, но отступить.

Алорк убеждал Тейю не спешить.

– О благе армии я заботилась много. Я выполню свой долг до конца, но думаю я так же о надежде на добродушие и простоту низших чинов, и если я сейчас в Пан Ти Капуе, то только потому, что нет войны. Оставаться мне Исидой, и не стро-

ить мне иллюзий, после которых действительность покажется ещё тягостней. Ничего другого я себе дать не могу.

– Да, вы правы, госпожа,

– Что ты хочешь сказать? – спросила старуха, с гордым вызовом взглянув на него. – Что ты хочешь сказать? Я не понимаю тебя.

– Я хочу сказать, госпожа, вы так суровы потому, что ждёте человека, который одет, как вы. А вдруг тот, кого вы ждёте, непостоянен, а если он непостоянен, как море?

– Алорк, – вскричала Тейя, – я думала, что ты добр, но я ошиблась. Да, я не скрываю: я жду и люблю того, о ком ты говоришь, но не вернётся, я не могу упрекать его, а скажу, что он погиб, любя меня.

Она встала, прошла по комнате и остановилась перед Алорком. Глаз её сверкал, кулаки её были сжаты.

– Раз я могу быть вашим писарем, вы привыкнете смотреть на меня, как на друга, как на великого писаря.

Тейя, бледная и дрожащая, попятилась, и, наткнувшись на своё кресло, бессильно опустилась на него. Осеннее солнце, врывалось в раскрытую ставню окна и обливало её потоком света. Сначала она не видела ничего кругом. Ностальгия счастья отделило её реального мира; она говорила несвязными словами и шёпотом, который передавал порывы некоей радости, но которые становились похожи на выражение боли о человеке, которого ей так недоставало. Алорк видел мрачное лицо Тейи, которое выступало из полумрака, бледное и

угрожающее.

– Простите, – сказал Алорк, хмуря брови, – я не заметил, что нас здесь трое. – Затем, обращаясь к Тейе, он спросил: – И этот господин невозвратимый Гай Мельгард?

– Этот господин скоро вновь будет моим лучшим другом, потому что это мой муж, это тот человек, которого я люблю больше всех на свете. Разве ты, Алорк, не знал об этом?

– Да, знал, – отвечал Алорк, и, теперь не выпуская из рук черепа Лолы, он сердечно протянул другую руку своей покойной подруге, но Лола не отвечала на его дружеское движение, оставалась нема и недвижна.

Тейя испытующе посмотрела на дрожавшего Алорка и на мрачный его грозный череп. Один его взгляд объяснил ей всё. Она вспыхнула от гнева:

– Я не знала, когда звала тебя, что увижу здесь череп.

– Лола! – вскричал Алорк, взглянув на старуху. – Найти Лолу у меня, в этой комнате! – Глаза его сверкнули.

– Если с тобой приключится беда, мой Алорк, – продолжала говорить она с неумолимым спокойствием, которое показывало ему, что старуха проникла в самую глубину его мыслей, – то взойди на мыс и брось Лолы череп со скалы в море вниз головой.

Алорк побледнел, как смерть.

– Но ты ошибаешься, госпожа, – прибавила он, – здесь у тебя нет черепа; здесь только Лола, и она сейчас пожмёт тебе руку, как преданной подруге.

И Алорк устремил повелительный взгляд на старуху, которая, как замороженная, медленно подошла к нему, и сама протянула к черепу руку. Ненависть её, подобно волне, бешеной, но бессильной, разбилась о неодолимую власть, в которую сама же и верила.

И едва лишь она дотронулась до кости Лолы, как почувствовала, что сделала всё, что могла и бросилась обратно на кресло.

– Горе мне! – стонала она, в отчаянии ломая руки. – Кто избавит меня от этого человека! Горе мне! Избавлюсь ли?

Тейя круто озираясь по сторонам в кресле, видела сидевшего Алорка за столом под подвесным канделябром. Он бессмысленно посмотрел на неё и не ответил ни словом.

«– Она совсем ошалела», – сказала Тейя. – Что, если я ошиблась и вопреки моему ожиданию Лола торжествует победу?

Тень черепа, как будто немного успокоилась от волнения, а прохлада освежила истомлённую её кость.

– Здравствуйте, – будто бы сказал череп, – вы, кажется, звали меня? – Алорк без сил сидел на стуле, стоявшим у стола.

«– Я позвал тебя потому, что ты бежала, как сумасшедшая, и я боялся, что ты, чего доброго, бросишься в море», – сказал Алорк.

Лола не то вздохнула, не то всхлипнул и уронила голову на руки.

– Знаешь, что я тебе скажу, Лола, – продолжал Алорк. – Знаешь, ты похожа любовного воздыхателя! – И он громко захохотал.

– Нет, – отвечала Лола, – такой молодец, как ты для того и создан, чтобы быть счастливым в любви.

– Ну так что ж? – сказал Алорк, подняв голову. – Я ни от кого не завишу, не так ли? И волен любить, кого мне угодно.

– Как бы там ни было, – вмешалась Тейя, которая пила уже вино и это хмельное вино начинало действовать, – благополучное Лолы посещение не досаждаёт меня.

Алорк вздрогнул при этом неожиданном выпадё, повернулся к старухе и пристально посмотрел на неё, чтобы узнать, с умыслом ли были сказаны её слова, но он не прочёл ничего. Он следил за каждым движением Тейи, лицо которой заметно искажалось. Быть может, Ань Ти Нетери, выведенная из себя, не удержалась бы, ибо она уже встала и, казалось, вот-вот кинется на костлявую соперницу. Она подняла старушечью головку и окинула служанок светлым взором. Она вспомнила свою угрозу – умереть, если умрет и бессильно вновь опустилась на стул. А между тем у неё пылающий глаз, который так искусно мстит за себя. У неё такие маленькие кулаки, но она разmozжит голову быку. Положительно, счастье улыбалось ей.

«– Нет, дорогой Алорк», – говорила Тейя, – я совсем не горда, я счастлива, а счастье, очевидно, ослепляет больше, чем гордость.

Алорк хотел ответить, но голос замер у него в горле, и он не мог выговорить ни слова. Влюбленные продолжали свой фантазийный путь, спокойные и счастливые, как два избранника небес.

Под проливным дождем начался смотр воинских подразделений Пан Ти Капуи. Ань Ти Нетери встретили с симпатией, но по мере того, как она говорила, лица солдат становились сумрачными. Обходя воинские ряды, она остановилась напротив одного солдата и игриво предложила:

– Ну, старина, давай-ка кричи: «Да здравствует Ань о Кийя!»

– Нет, мать, не могу. Против матери нашей мы сражаться не будем, – прозвучал в ответ.

Молчали солдаты, приученные к дисциплине.

В 6675⁸ лето от Сотворения Мира в Звездном Храме. Арасаки понимали, что столкновения с Ань Ти Нетери не избежать, и от того отправили в Ань о Кийю послов с жалобой о нарушении некоего договора.

– Ясно, – восклицали послы, – что она ищет повода вмешаться в дела города и в конце концов лишит его свободы!

Ань о Кийя постановила снарядить флот и посольство в Исизу Пан Тийю и потребовать, чтобы враждебные действия против города Ара Сак были прекращены. Посольство должно было посетить саму Ань Ти Нетери, но не успел ещё воен-

⁸ 1167 год.

ный флот и послы тронуться в путь, как пришла весть: Ань Ти Нетери уже осаждают Ара Сак! Ань о Кийя была растеряна. Такого быстодействия от Ань Ти никто не ожидал и не предвидел. Флот поспешно отбыл к дельте Дуная.

Ара Сак был самым богатым и многолюдным городом на западном берегу Червлёного моря. Он стоял в самой излучине дельты и первым источником богатства было взимание оплаты за выход товаров в море, а вторым – плодородные земли. Тайт Мосул подступил к самому городу, где городская стена выходила на ровную долину: здесь были подведены осадные навесы и под их прикрытием придвинулись к стенам тараны. Но тут, над укреплениями, поднималась высокая башня, да и стена была выведена выше остального уровня. И обороняли эти стены лучшие, отборные молодые воины, всякий раз бросавшиеся туда, где опасность была особенно велика. Они осыпали врага стрелами и камнями, не давая ему поставить или построить надежноекрытие. Потом принимались делать вылазки. Происходили короткие, беспорядочные схватки. Кончилось тем, что сам Тайт Мосул был ранен дротиком в бедро. Видя, что он упал, тракии пришли в смятение и кинулись бежать. Если б не воля Тайта, все осадные навесы, все начатые работы были бы брошены на произвол врага.

Пока заживала рана Тайт Мосула военные действия были прекращены, но строительные работы продолжались. Вскоре война возобновилась с новой силой. Вмешалась Ань Ти

Нетери, она торопила; осадные навесы и тараны, по её требованию, были пододвинуты с нескольких сторон сразу. Тейя решила использовать своё численное превосходство. И вот тараны заколотили в стену, обрушились укрепления и открылась широкая брешь – три башни подряд и два прясла между ними обвалились с оглушительным треском!

Тайт Мосул был убеждён, что город пал, но дело обернулось так, что враги с ожесточением бросились друг на друга. Было сражение, нисколько не похожее на отчаянные стычки, какие случаются при взятии городов. Тут сражались, словно в открытом поле, на каждом свободном от развалин клочке, между обломками стены и рядами домов. Одних воодушевляла надежда, других – отчаяние; тракий верил, что Ара Сак уже взят и лишь ещё одно, совсем небольшое усилие потребно для полного торжества, а арсак собственным телом прикрывал отечество, лишившееся стен, и никто не отступал ни на шаг, зная, что на оставленное им место тут же поставит ногу враг! И чем яростнее враги сражались, тем теснее сплачивались ряды, тем больше убитых падало с обеих сторон, потому что ни один удар не пропадал даром. Долго исход боя оставался неясен; сперва арсаки и надеяться не могли на столь длительное своё сопротивление.

А теперь воспрянувши духом, внезапно подняли оглушительный крик и вытеснили врага из развалин. Тартессии растерялись и сразу же почувствовали себя побежденными. Они бежали без оглядки и укрылись в своем лагере.

Тем временем Ань Ти Нетери сообщили, что прибыл флот раамонейский и послы из Ань о Кийи. К берегу моря поспешил гонец:

«Ань Ти Нетери объявляет раамонянам, что сын мой – Тайт Мосул, не ручается за самую вашу жизнь посреди такого множества разъяренных солдат. Да и некогда мне с вами беседовать – обстоятельства слишком трудные и напряженные. Напоминаю лишь о защите мирного договора понта с раамоняями. Я предупреждаю вас, что не надо посылать войска к Дунаю. Хотя потомки в среде живых не способны хранить спокойствие пока сохраняется капля крови Гет Бел Ра Амона (Барка). Но вы не послушны, вы плеснули масло в огонь. Разжигаете тот пожар, что полыхает ныне. Мои воины осаждают Ара Сак, ненарушая договоров. Вы же запрещаете нам приближаться к этому городу. Пытаетесь нам отомстить надуманным договором! Сам исход войны, точно беспристрастный судья, решит спор о нарушителях договора, отдав победу тому, на чьей стороне была справедливость. Поверьте, мне, не к вражеским стенам подвела я ныне сына своего Тайта, а к нашим собственным стенам подвела я. Я знаю, мой совет едва ли будет вами принят, но скажу всё, что думаю. Не следует надеяться, что только надобно выдать мне вам, в искупление дерзко разорванного договора, Тайта Мосула – моего сына. Вы пишете: «Его следует сослать на край света, чтобы никогда и ничего мы о нём не слышали, и чтобы он никогда не смог

нарушить спокойствие нашего государства! Ань Ти Нетери напоминает; войну начали Ара Саки и раамонейский народ совершит несправедливость, если ради арсаков пожертвует старинной дружбой и союзом с Тартессом».

Все боевые действия были приостановлены. Эти дни Тайт Мосул использовал на то, чтобы разжечь в людях ненависть к врагу и надежду на богатую добычу. На сходке он объявил, что город будет отдан солдатам на разграбление, и все были в таком восторге, что прозвучи в этот миг сигнал к атаке – и никакую силу нельзя было бы их остановить.

Приступ был намного яростнее предыдущего. Крики неслись со всех сторон сразу, и никто не понимал, где нужно защищаться в первую очередь. Сам Тайт Мосул находился подле громадной башни на колесах. Она была выше всех городских укреплений, и каждый из её этажей ломился под тяжестью катапульт и баллист. Когда её придвинули вплотную, на осажденных обрушился ливень стрел и камней и смёл их со стены. Тайт поспешил воспользоваться успехом и развить его: он выслал вперед людей с мотыгами, чтобы разрушить стену снизу. Дело оказалось нетрудным. Появились широкие бреши, и неприятельские отряды хлынули в город. Но арасаки возводят новую стену, отгораживая ещё не захваченную часть города. Обе стороны сражаются с величайшим напряжением сил, но с каждым днем всё теснее становится убежище защитников. Растёт жесточайшая нужда, вызванная долгой осадой, тает надежда на помощь извне, ибо раамоняне

далеко, а все окрестности в руках врага.

В эту пору один человек пытался хлопотать о мире, но безуспешно. Алкон по собственному почину, не открываясь никому из сограждан, ночью пришел во вражеский лагерь, рассчитывая тронуть Ань Ти Нетери мольбами. Но чудовищные условия превратили его в перебежчика, он остался у неприятеля. Человек, который решится передать эти условия, немедленно умрет, утверждал он. Но Алорк всё же решился. Он был писарем и воином Ань Ти Нетери, но ещё задолго до войны получил от города Ара Сак почетное звание друга и гостя. Алорк открыто приблизился к вражеским караульным и передал им свое оружие. Сказал, что хочет говорить с главою города. Тотчас собралась большая толпа, но стража удалила всех посторонних, остались только херусиасты, и Алорк произнес такую речь:

«Ваш земляк Алкон пришёл к нам просить мира, но не вернулся к вам обратно с полученными условиями, потому что вы меня здесь и видите. Он остался у врага по собственной воле, ибо боится гнева; говорить вам правду и в самом деле опасно. А потому, помня старинную дружбу, которая нас с вами связывает, прихожу я. Вы должны знать, и я говорю, что есть пути к миру, хотя силы ваши иссякли, а надежда на помощь раамонян рассеялась. Этот мир не назовешь справедливым, а потому победителю принадлежит всё. Что бы победитель ни оставил побеждённому, надо считать это подарком и поблагодарить за щедрость, а что

бы ни отнял – смириться и не думать об утратах. Ань Ти Нетери отнимает у вас город, который уже в её руках. Всё серебро, какое есть в домах и в казне, вы должны отдать: жизнь и свободу вы сохраните, если согласитесь покинуть город без оружия и без поклажи. Вот требования Ань Ти Нетери, они тяжёлы и жестоки, но сама Судьба советует их принять. Примите их, подчинитесь – это лучше, чем обречь на рабскую долю своих жен и детей».

Не дав Алорку никакого ответа, народ снёс на площадь серебро из казны и из собственных домов и всё бросил в костер; горожане и сами бросаются в тот же огонь. Город объят был страхом и смятением, но тут со стороны акрополя донёсся шум нового приступа. В пролом ворвался отряд варягов. Ни караулов, ни стражи нигде небыло и Тайт Мосул решил не упускать счастливого случая. Он двинул всё войско и город был окончательно захвачен.

Никому пощады не давали. Граждане запирались в домах, поджигали их и сгорали заживо вместе с женами и детьми, либо с оружием бросались на врага и бились до последнего дыхания. Добыча взята была громадная, хотя много имущества арасаки нарочно испортили, да и пленных захватили не много – разъяренные солдаты резали всех подряд, и взрослых, и детей.

Глава – 1

Грешников преследует зло, а праведникам воздается добром. Доброта – наследство внукам и богатство собирается для праведного. Много хлеба бывает и на ниве бедных. Гибнут от беспорядка. Не жалей розги своей, то ненависть к сыну. Притчи Тин_ниТ.

Нумидия⁹ расположена была на путях между Европой и Малой Азией, и наделены была красотами и богатствами. Растительность тут орошали прохладные воды туч, нёсшиеся с северных гор. Самая высокая точка полуострова – вершина Мосул¹⁰. Тут же простираются самые плодородные равнины на континенте. Через полуостров протекают большие и множество меньших рек. Самые большие – это Дунай, Сава, Морава и другие. В высоких частях Балкан можно увидеть красивые ледниковые озера. Самые внушительные – Семь Рильских озер в Болгарии. Густые и непроходимые лиственные, хвойные и смешанные леса покрывали равнину. Здесь была самая дикая и пышная природа в Европе. В

⁹ Древняя Африка ((Ф)ТРК – в древности гласные буквы не писали), а точнее (ф)тракия находилась на северной территории полуострова Балкан (Баал (И)Ань): территория Номадов. Фактория Тартессии, как и фригия в Малой Азии. Тракия: в обратном прочтении – графство. В период фальсификации истории (Ф)ТРК была перемещена на территорию современной Африки.

¹⁰ Она возвышается на 2925 метров над уровнем моря в горах Рила, на Юго-Западе Болгарии.

среде густых лесов встречались бурые медведи, волки, лисы, шакалы, дикие кошки, также и более мелкие хищники как ласки и хорьки. Были травоядные животные как олени, кабаны, дикие лошади. Тут дом розовых пеликанов, гнездятся аисты, журавли, ласточки, а в лесных местностях встречаются орлы, ястребы, филины и совы.

В ту пору, когда развивались эти истории, дороги представляли собой конные тропы, по которым шагали с дерзкой самоуверенностью тартессии, их кони и арбы, ведомые погонщиками волов. Конные тропы пробегали по ровной заснеженной местности, они вились, а многочисленные путники сгладили все их неровности, от чего тропы казались гладкими¹¹.

Одна из дорог вела путников по довольно отлогому склону холма, заросшего густым замёрзшим лесом. Это были всадники, отправившиеся в путь от Бел Города¹² на юг материка, они спускались в долину. Конные варяги тут были разделены на рода, не состоящие во взаимной связи вследствие кичливости вождей каждого из них. Самоуверенность родов была тем сильна, что они от природы соединяли в себе боевое коварство и замкнутость – это было ремеслом и промыслом. Дерзая на малое, они не отваживались на что-

¹¹ Так свободные земли колонизировались тартессиями: территории назывались тракиями. В последствии это слово, в обратном прочтении, будет нам известно, как «графство».

¹² Акра Левкеб Белый Город основанный Гай Мельгардом Баркой.

либо важное и от того они не могли составить большой силы или союзов.

Конники пересекли ручей и попали в другую часть лесного края. Тут лес был чуть ниже. Конная тропа потерялась в огромном сосновом бору, чьи зонтики причудливых крон нависали над эскортом из варяжской гвардии. Путники попали в приветливый край и после перехода по извилистой тропе перед ними открылся зимний рай, куда они и спустились по пологому склону. Солнце садилось и красноватые лучи озаряли вершины деревьев. Весеннее солнце ещё не грело. Небо меркло отчего лес погружался в заснеженный сумрак.

Кавалькада всадников продолжала своё движение – это группа бородатых юношей в добрых кольчугах, ибо не пускались в путь без предосторожности: головы их защищали округлые шлемы. Возглавлял процессию стратег Тайт Мосул¹³ – юноша девятнадцати лет, шлем которого украшался белым плюмажем. Рядом грохотала арба, в ней сидела его мать Ань Ти Нетери с семилетней дочерью Исизой¹⁴ на коленях, и она разговаривала:

– В неизвестное стоит только получше взглядеться, покровы спадают и тайное становится явным.

– Мне смешно, – отвечал женщине сын, – что ты назвала мне ответ невзначай! Мне это, честное слово, смешно, – и он

¹³ Родился в 6656 лето, 1148 год на Тео Дорос в Крыму (Ка Ра Амонд).

¹⁴ Дочь Гай Мельгарда (Гамилькара Барки). Он же Гет Бел Ра Амон (Баркид)

засмеялся, склонив голову к плечу, которое у него при этом тряслось.

– Ты, значит, и в самом деле не болтал вздор. Но я слышала нечто подобное и теперь вижу, что ты действительно говоришь правду, которую мне описали делом прежние владыки. Что же это получается если в великой гуще человеческой каждый юнец почтёт себя за солнце, куда бы девалось такое множество средоточий? Когда Мильк сидел в колодце, куда угодил, как я вижу заслуженно, этот колодец и был, по мнению юнца, священной серединой мира.

– Свет освятил его, – отвечал мужчина, – наблюдая за ним, не дав ему погибнуть в нём.

– До сих пор я так и не порешила, что считать серединой мира.

– Жизнь на Красной Земле похожа на жизнь, что на реке Нил. На ней много соответствий в условиях веры.

– Откуда у тебя кольцо с приворотным камнем? – спросила мать.

– Кольцо Исизы у меня спокон веку. Не помню, чтобы его не было у меня на ноздре носа.

– Значит, ты вынес его из храма своего высокого рожденья?

– Да, я сын ямы, из которой подняла меня Исида и скормила молоком.

– Ты познал прекрасную Богиню Мать.

– Её щёки благоухали, как лепестки роз, – признался Тайт.

– Мать называла тебя по имени?

– Я нашёл её, я нашёл свою жизнь. Я познал своё имя, как можно познать и свою жизнь, которую взял из ямы.

– Исида заслужила благодарность и вызывает доверие. Доверие и Требовательность – вот её имя. Но тот достоин смерти у кого к людям больше доверия, чем они того стоят, и тот достоин смерти, кто предъявляет к людям больше допустимого требование. При чрезмерной любви и требовательности от людей они выходят из себя и делаются похожи на хищных зверей. Пагубно не знать этого или не хотеть знать.

– Моя требовательность, – говорил Тайт Мосул, – действительно превращает людей в хищных зверей и это естественно ждать от человека, который говорит о себе: «Я пуп вселенной и средоточие.»

– Однако я знаю, – отвечала Тейя, – что в мире, который на вид так бесхитроsten, существует множество тайн и за внешним шумом скрывается неведомое. Мне, дорогой сын, кажется, что мир потому такой шумный, что за этим шумом удобнее скрыть неведомое и сохранить тайну. Я склонна во всём сомневаться, но не потому, что ничему не верю, а потому, что считаю возможным решительно всё. Вот какая я женщина... Я знаю истории, которые кажутся невероятными, а они всё-таки бывают на свете. Я знаю, как рядятся в ризы и умащаются елеем радости, а потом уделом избранных становится пустыня.

Тут женщина заморгала глазами, ибо её речь заставила

её призадуматься. Есть хорошо укатанные колеи мыслей, но есть колеи, из которых не выберешься, если уж в такую угодил. Так уж устроено, что человек думает по преимуществу готовыми формулами, то есть не так как он пожелает, а как насколько он помнит, и едва упомянув о невероятном женщина оказалась в области историй. Они неизбежно влекли за собой слова о возвышении зачинателя новой эры, и это вело Ань Ти Нетери в немое смущение. Но не в такое уж сильное, нет, это была всего лишь пристойная дань уважения величию священно-возвышенного, отданной женщиной практической.

– Гм, – сказал Тайт Мосул. – Твой сын немало поездил и знает, что бывает на свете. Я знаю твоё сердце, которое не могу заставить открыть мне твои чувства. Не говоря уж о том, что у меня нет никакой нужды в них вникать; любопытство к ним даже неразумно и может пойти мне во вред. Достаточно и того, что ты нашла меня и вдохнула в меня жизнь, ведь ожидать меня входило в твои намерения. С меня довольно догадки, что жизнь моя несколько необычна и принадлежит к тем явлениям, в возвышенность, которых я верю благодаря титулу Владыки Надзора.

– Да будет спокоен твой сон, – отвечала мать. – Пусть в них время от времени вплетаются приятные сны, так как возносится сердце твоё и ты говоришь: «Мелькарт, на престоле величеств я сажу», но ты, милый сын, помни, человек ты,

хотя и выдаёшь свою голову за голову Тота¹⁵ являющейся вместилищем разума.

– Да, я не просто человек, а владыка. Величайший из величайших, увешанный святой славой, строгой и доброй, пастырь людей, живое изображение.

– Я знаю такого человека, это дар народу от отца и от меня. Ты слишком священное лицо, ты носишь сан Сына Мелькарта. И ты меня любишь, как любят мать и, завидев меня, не упускаешь случая поблагодарить.

– Ты говоришь это, конечно, в шутку. Но ему-то я и хочу показать тебя и предложить, и, если мой отец окажется в добром настроении, считай, что ты посажена будешь на трон возведённого тобой города Исизы Тан Була.

Ход мыслей Тайт Мосула, помимо его сознания, определялся духовностью, восходившей к далёким, изначальным временам пращуров. В нём заговорил Мелькарт – Предводитель, дерзостно полагававший, что человек должен служить непосредственно высшему, устремлять своё внимание только к Тоту. В нём звучал голос предка. Но, как же зовут предка? К нему, единственно и непосредственно, относилось теперь любопытство Тайта и именно его имя сказали его уста не подозревая, что сделали это не случайно и не произвольно, а по наследственному чекану.

– Тайт! – воскликнул он будто на молитве во время священнодействия. – Могучая рука ввела меня на трон, Тот и

¹⁵ Знание.

Тиннит поставили меня на это место.

До сих пор он сидел на лошади скрестив руки на груди, теперь же он быстро разнял их и приложил ладони к щёкам. Он глубоко внимал божеств, но при этом он никак не питал к ним иллюзий.

– Ты идёшь к своей судьбе. Может ли мать остаться равнодушной к их именам? – Говоря эти несколько слов Тейя вкладывала в них величественный и высокий смысл, который связывал в себе великолепие, которое её потрясло.

– Тайт, пребывающей в своём капище – это самый величественный бог на свете?

– Один из самых величественных? – возмутился сын. – Ты говоришь, право, не лучше, чем думаешь. Это, да будет тебе известно, знания, не имеющие себе равных. Склонись перед ним.

Дальше они ехали молча с неопишуемой невозмутимостью и полным равнодушием ко времени, которое, если ему содействовать, одолеет пространство. И одолеет особенно успешно при условии, что о нём – о времени, вообще не будут они заботиться, предоставляя ему складывать пройденные отрезки пути – ничтожные по частностям – в Великое Целое. Они оба продолжали жить, как живётся, независимо от того, куда ведёт дорога их судьбы.

А дорога их определялась густыми лесами, которые – справа и слева – тянулись к небу, спокойные в своей серебрищейся снежной синеве и накатывающие на доли волны за-

мёрзших ручьёв. Садилось солнце – изменчиво-неизменный раскалённый шар – проведя к путникам сверкающую полосу луча золотых и розовых красок. В сумрачном пламени туч луч величественно свидетельствовал о грозном божете Мелькарте.

Небо меркло. На большой возвышенности, скорее похожей на гигантский курган, чем на холм, виднелись коронки каменной твердыни. То вздымался Бел Город, наиболее могущественный из всех городов на этом берегу моря, что на Днестровском лимане. От стен его ложились длинные тени. Внизу под стенами поблёскивали воды широко разливавшегося залива. Но свет всё более меркнул и на небе, и на земле.

Укреплённое самою природою гнездо Гет Бел Ра Амона (Баркида) обведено было, кроме водной преграды, надёжною стеною. Город имел гавань, озеро с выходом в море и, кроме того, здесь было много заведений для соления рыбы. Город лежал в глубине залива, бывшего самой удобной гаванью северозападного побережья Червлёного моря. Порт прикрыт был узким проходом в море, что защищало от нападения вражеских кораблей. Внутренняя часть города находилась в низине. На холме, обращённом к озеру, стоял дворец Баркидов, окружённый стеной внутренней городской крепости.

Между стен двух крепостей были дома с плоской крышей и прямоугольными, почти квадратными окнами, лишённые всяких украшений, а улицы между ними были очень узки.

Можно предположить, что поселенцами были сами варяги. В городе постоянно находился тартессийский гарнизон, причём и сами жители города были вооружены. Вся обширная равнина была тут вырублена.

Путешественники поспешили пустить лошадей галопом торопясь добраться до крепостных ворот. Поторопили и волов, тащивших тяжёлую арбу с Ань Ти Нетери. В эту ночь она с удивительным своеобразием сочеталась с луной своей жгучей и чарующе красотой. Иссиня-чёрные волосы ниспадали на прикрытую грудь, обрамляли продолговатое, безупречно очерченное лицо. В лице было что-то горделивое. На нём огромный карий глаз, левый – слепой глаз, прикрыт; ресницы и брови под цвет волос, кожа жёлто-смуглая, губы свежие – будто вишни, жемчужные зубки. У женщины грациозная и изящная шея, безукоризненной формы руки, тонкий стан – будто у лозы, глядящей в воды озера, и хорошенькие босые ножки. И всё это прикрыто от мороза.

Наряд у Тейи был оригинальный и пёстрый, голову украшала меховая шапка, которая чудесным образом сочеталась с копной светлых волос. Шею её украшал шарф, отбрасывающий золотистые блики, рдевшие, как отсветы пламени, в ночи. Дублёнка была сшита из тончайшей овечьей шкуры. Стан перепоясан был поясом с золотой бахромой. Дублёнка рябила от резкого сочетания ярких красок вышивки, наряд был прелестен и пленил взор. Ань Ти Нетери сидела на скамеечке под пурпурным балдахином арбы, спустив с неё

ножки в валеночках. Искристая воздуха приоткрыла их серебристой вуалью.

Ночь и вовсе легла на красную землю. На крепостных башнях, не смыкавшие глаз воины, рассказывали друг другу, что ночами являются образы тех, кто погиб смертью и кружатся над стенами. Упоминали об волхвах, напоминавших о себе волчьим воем. Видели воинства лохматых теней, которые столь близко подходили к мосту города, что стража трубила тревогу. Такие ночи предвещали немалую тревогу. Встреча с такой тенью не сулила ничего хорошего, правда не всегда следовало предполагать недоброе, ибо перед воротами иногда и обычный человек возникал как тень, так что только чьей-то мёртвой тенью и мог быть сочтён.

Поскольку над городом спустилась ночь, ничего не было удивительного в том, что возле ворот, на мосту возникли не то тени, не то человеки. Луна, как раз выглянувшая из-за облачка, выбелила лунным светом местность. Возникшие на мосту облики то белились во тьме, то меркли. Кавалькада всадников приближалась к створкам ворот, тихо и медленно, будто кралась. Ветер задувал с севера поднимая морозные искринки. Но вот поглощённые чернью облики пропали. В бледном сиянии ночи слышать было только скрежет засова. Грохот прекратился, заглушились голоса. Наступила мёртвая тишина.

Глава – 2

Ешь до сытости, не терпи лишения. Плод уст вкусит добро, преступник же вкусит зло. Хранящий уста свои бережёт душу свою. Не раскрывай рта, тому беда. Ленивый желает и мечтает, но тщетно. Притчи Тин_ниТ.

Итак, Тайт Мосул пройдя путь от храма Мелькарта, что в Пан Ти Капуе вступил на улицы Бел Города на Днестровском лимане. Он оказался в богатом городе, защищённом обводной стеной из каменных глыб, охватывавших всю периферию холма. Город почти весь состоял из дворца Баркидов. В городе было около двадцати тысяч жителей, не считая двух тысяч человек гарнизона. Человек, назначенный на должность «Тот-Кто-Над-Городом», был назначен не только для того, чтобы защищать стены, но и взыскивать непосредственно с граждан несколько монет, которые затем хранились в казнохранилище города. Поступление денег сулило должностному лицу дальнейшую карьеру.

Представь себе, дорогой читатель, с какими чувствами узнали о приближении Тайт Мосула жители города. Ведь известно было, что на уме у Тайта. Народу в этом уме доставалась военная сноровка и некоторое участие чтобы поставить Исиду над новым краем. И оттого люд этого места насыщался энергией отваги: тяготая от торговли, покоя и мира граждане с радостью доверялись доблести Тайт Мосула и небес-

ного теперь отца – Гет Бел Ра Амона (Баркид). Тартессии, сплочённые у плодотворной сосновой шишки и черепа коня, уже именовали его «блестящим, как солнечный диск».

Женщины здесь носили широкий платок, а одевались самым обычным образом, тут был тиникийский (красный) привкус моды, женщины ходили в червлёных платьях, а талии были обвиты красными поясами. Мужчин ещё не видели в кольчугах. Что касалось этих мужчин, то они постоянно, с хвастовством, твердили о воинских подвигах вождей их племени. Ещё мужчины развлекались под узорчатыми колоннами храма пением о войне коротавшего свою жизнь на землях жизнетворца. Судьба и защита имела для них большое значение. Беспокойство горожан было бы ещё сильнее если бы они могли подслушать разговоры, которые вели между собой мать с сыном. Узнать планы прежде, чем предприимчивые человеческие сущности сообщат что-либо народу со всей решительностью.

О чём они говорили? О чём тревожились, о чём разговаривали в городских стенах. А говорили они о тракиях, то есть о колонистах, об их подпоясанных тёплых кафтанах. Говорили о довольно диких воинах, всегда готовых взяться за нож или меч, то есть о сынах, привыкших к встречам с дикими быками, а также привычных к жестоким дракам. Ведь ум варяга¹⁶ имел направленье сугубо практическое и отличал-

¹⁶ Налоговая гвардия Тейи. От слова «бор»: от него происходят слова «ибер», «варяг», «вор», «раб», «равин», «араб». Привилегированные Ти Ав(б)ры (Варяги

ся строптивостью, который сам ищет обиду и повод к драке. Они полны были племенного гонора и гордости от своего благородства, которое было им свойственно. Проживая в пути, в движенье, они чувствовали себя рядом с жителями, куда пришли, воинственными оборотнями, которым их звериная свобода и смелость давала преимущество перед земельным людом. Варяги часто подумывают о разбое и Тайт Мосул предложил им участвовать в основании нового города. Они поддались новому порыву. Под грохот Священного Барабана самые большие драчуны закричали и заплясали от удовольствия и боевого задора. Воодушевление варягов было усилено гордым сознанием своего участия в деле расширения Горизонта Хора.

Горожанам было от чего беспокоиться, хотя ничего неслыханного в замысле Тайта не было. Строительство городов было в порядке вещей или, во всяком случае, представляли собой явление не такое уж редкое. Тайт не сомневался в дозволенности своего очищения «действительности», но утаивал тот факт, что с самого начала он намечал решать отношения военным путём. Варяги не забывали о воинственности Мелькарта, о его нападении на полчища врагов, о своей дани симпатии солнцу. И поэтому, когда Тайт намекнул на свою затею, варяги и тракии встретили её самым признательным образом.

«Мелькарт велик и нет ему равного!» – воскликнули они. –

Слава вам, могучие дочери и сыновья Мелькарта! Разве Мелькарт не бог над всеми богами этой земли! Разве мы не хотим добыть себе власть над городами мечом окровавленным! Собирайтесь в стаи! Препояшемся красным поясом и пойдём под ворота для мудрой беседы с горожанами, чтобы заключить с ними письменный договор и получить от них землю себе в пользование.»

Конники остановились у ворот дворца. Тайт Мосул прибыл к цели своего пути, к дому отца – Баркидов. В этой баркидской крепости, в которой так силен был Тайт, ожидали милость, которую все высоко чтили.

Ваш глаз увидел бы тут двор, где на ухоженных газонах пробивалась из-под снега трава и фруктовый сад. Только одна вымощенная дорожка прорезала чащу, и она казалась романтичной. Ползучие растения буйно разрослись, густо покрыв листвой строение, то дикий виноград облёк стены и камень, но их нельзя было разглядеть в море изморози. Этот баркидский рай был расположен над узкими улочками, разбивавшимися о стены его. В этом гнезде, отстроенном на вершине холма, всё дышало изобилием и радовало глаз всякого, кто входил сюда – это было поистине благодатное гнездо посреди оголтелой толпы.

Облицованный камнем ров, окаймлял стены крепости, защищая её от самого города. На дне рва переливалась светлая, чистая вода, замутнённая ряской льда, что свидетельствовало о постоянном уходе. Через эту преграду был переброшен,

построенный из камня, мост. Он был настолько узкий, что по нему только, только могла протиснуться колесница. Мост приводил к великолепным двустворчатым воротам. Створки их щитов были укреплены на двух четырёхугольных металлических столбах, выкованных в форме капителей и державших архитрав. Когда тракиец распахнул ворота, мулы – запряжённые в повозку – остановились, будто ослеплённые окружающим великолепием. Только с помощью прута удалось их сдвинуть с места. В самом деле, через такие ворота пристало въезжать только золочённым арбам с бархатными сиденьями и пурпурным балдахинами. Въезжающая повозка пользовалась особыми преимуществами, Ань Ти Нетери всюду имела свободный доступ. Чистая аллея, одной ширины с мостом, вела к прямоугольной глыбе из толстых стен и громоздких дверей. Величественность этой груды камней восхищала бывшую иерофантиду. Она разглядывала невиданное чудо.

Исида была звана в свою твердыню, но, по её мнению, теперь она претендовала на первую голову у Босфора. Уверенная в своих чарах она безоговорочно была признана мужчинами и теперь – будучи в гареме сына – не без основания чувствовала себя здесь хозяйкой. Женщина понимала, что Тайт Мосул – сын, особо отличал её, как мать; ведь она предопределила для него огненный взор невесты, поразившей его сердце. Элишат, преисполненная честолюбивых устремлений, повернулась к Тайту, который лёгкой улыбкой старал-

ся развеять её грусть. Она чувствовала, что контраст между богатым домом Баркидов и скромным дворцом Элишат глабоко язвит.

Главный корпус здания занимал всю ширину расположенного перед ними сада: две стены примыкали к нему под прямым углом, образуя парадный двор и создавали стройный ансамбль. Стены, выложенные тёсаным камнем, выгодно оттеняли узкие бойницы прорезей. Такими же поясами прорезей в серой стене определялись все три этажа. Чтобы перебить однообразие фасада, строители выложили по верхнему краю строения коронки, между которыми в эту наступившую ночь просовывались факелы стражи с блеском огня. Там же на крыше обрисовывались правильными очертаниями массивные трубы, украшенные – с каждого бока – рельефными трофеями и атрибутами религиозного содержания. Хотя час был поздний, а по времени года требовалось постоянное отопления, из труб вился густой дымок – признак счастливой, изобильной и деятельной жизни. В баркидской обители кухня проснулась. Слуги сновали по двору передавая или выполняя приказания. Всё тут говорило о прочном, постоянно растущем благосостоянии, а не о капризе судьбы, которая щедро одаривала своих любимцев. Здесь под роскошью чувствовалось богатство. О прямоугольном дворце ходили слухи: жадный до снов народ говорил, что внутри него бродит тень Гет Бел Ра Амона (Баркида) – исчезающая днём, но выражающая привязанность к детям ночью.

Братья: Азер Бул¹⁷ (Тайт Мосул), Ань Бул¹⁸ и младший брат Ань Маг¹⁹, жившие здесь по праву владения, уверяли, что видели не раз как по коридорам и лестницам перемещался огонёк, то рука небесного Гай Мельгарда держала одно-рожковую лампу. Они, будто ясно слышали поступь ног тени о каменный пол и о камни вымощенной дорожки сада. Народ внимал всё это. В тень Гай Мельгарда верили соответственно убеждениям, люди давали различные объяснения звукам и таинственному ночному огню. Они полагали, что душа его посещала тела своих сынов, после чего возвращалась на небо. От того-то народ и молил небеса и преисподнюю, становясь на колени у рва, лицом к стенам. Народ просил воскресить небесного бога, нёсшего при жизни тяготы, теми какими был отягощён. Баркиды продолжали отвлекать и привлекать, и при этом неустанно уверять, что дом не пустел и можно не страшиться, что небесный отец прекратит приходить в обитель, к стенам которого не дерзнёт прикоснуться недруг кончиком своего пальца.

Никто из людей ни за что не отважился бы приблизиться к стенам крепости, но все эти слухи не производили ни малейшего впечатления на самих жильцов. Хотя было совсем темно они встретили среднего брата Ань Була. Кто-то, сту-

¹⁷ Газдрубал, сын Гай Мельгарда.

¹⁸ Ань Бул (Бей) сын Гай Мельгарда (Барки). В этот год ему пятнадцать лет. Ганнибал. В последствии он будет нам известен, как «Исус».

¹⁹ Магон, сын Гай Мельгарда (Барки).

пая по двору, хрустя снегом, приблизился к воротам. Старший брат трижды постучал в ворота: медленно, отдельно, как он это обычно проделывал.

– Кто стучит? – послышался вопрос.

– Тот, кто прибыл от храма Мелькарта, старший брат Азер Бул (Бей) – ответил Тайт Мосул.

– Какому владыке должны повиноваться могучие сыны Мелькарта?

– Тоту, Общине Знания.

– Какой храм мы должны искоренять?

– Храм Великой Супруги – Инь о Кийи.

– Ты пророк?

– Я уста Тота.

– Добро пожаловать в дом рода Баркидов.

Отодвинулся засов, створки ворот отворились, и путники въехали под тёмный свод крепостной стены. Ворота захлопнулись и в возникшей тишине раздался топот ног веселящегося карлика, соскочившего с арбы. Богомол бежал по дорожке расставив руки в широкие объятия, он – маленький, кричал:

– Как здесь хорошо! Как здесь хорошо!

Подарок луны прошлёпал валенками до массивных дверей дома, у которых остановился и чуть раздвинул створки. Богомол нагнулся, короткие ножки упёрлись в камень, дряблые ягодицы в тёплых штанах смотрели на господ, а большие – вечно слезящиеся глаза – впёрлись во внутренние по-

кои. Привыкший ко вседозволенности он всё-таки не решался войти без разрешения во внутрь.

Тайт Мосул вёл коня.

– Я возвращаю коня в неплохом виде, он лишь немного устал. – Говорил он брату Ань Булу. – Прикажи обтереть его вином и три дня давать ячмень вместо овса. За эти дни конь прошёл много стадий.

– Ты доволен конём, брат?

– Очень доволен.

– Его поставят под навес.

– Я знаю, брат, ты в храме Тиннит не терял времени даром.

– Ты ошибаешься, Ань Бул, я потерял не мало времени и хотел уехать как можно скорее.

– Не угодно ли тебе чего-нибудь съесть, брат?

– Только очень быстро.

– Завтрак ждёт тебя, это будет холодный завтрак.

Младший брат посчитал своим долгом оказать внимание и хотел проводить старшего брата к столу.

– Не надо, – сказал Тайт Мосул ему, – я не забыл, как к столу пройти. Распорядись арбой и поставь её на хозяйственное место. – И взяв мать под руку Тайт направился в столовую.

Пройдя по коридору, он распахнул одну дверь, затем вторую и увидел перед собой изысканно сервированный стол. Холодная птица, холодная ветчина и сыр, то, что кушают в

народе, лежало на столе. На десерт было великолепное вино, таков был завтрак, приготовленный для боголюдей.

Оказавшись у поставца, божественная пара первым делом направилась к бронзовому зеркалу, возле которого гребешками привели в порядок волосы, затем они подошли к котлу, стоявшему на треножнике, рядом с которым висело полотенце и умыли лицо и руки. Тщательно проделав всё это они, как люди благовоспитанные, уселись за поставец, за которым утолили голод.

В столовую вошёл Ань Бул.

– Утром собрание, собери друзей, – сказал Тайт Мосул.

– Хорошо.

Младший брат стоял пока старший брат и мать не отпустили его.

– Херусиасты собрались, – предупредил утром Ань Бул старшего брата.

– Проводи меня, – сказал Тайт показывая, что находит дальнейший разговор излишним.

Тайт Мосул взял факел и зажёт его о пылающую жаровню. Он шёл по тёмным коридорам дома и пройдя две или три двери отворил дверь огромного зала. Владыка Надзора очутился в сводчатом зале, где находились херусиасты военной коллегии. Все они поднялись со своих кресел. Он кивнул головой как бы говоря, что ему знакомы все церемонии и уселся на кресло.

– Военная коллегия рада твоему назначению. Мы беспо-

коились, не стряслась ли с тобой беда? – говорили херусиасты.

Херусиасты ожидали слов опустив глаза. Как только стратег автократор приветствовал друзей все откинули назад головы открывая лица. Трудно представить собрание столь серьёзных людей. Эти лица были, достигши тридцати лет и их руки тянулись к Мелькарту: несколько человек расцеловали его.

– Клянусь честью, – воскликнул один из них, – у меня камень с сердца свалился! Ведь мы было подумали, не стряслась ли с тобой беда, в живых ли ты, не попал ли в плен недругу.

– Мог ли я умереть, думаю, что никогда! Ведь я обменялся любезностями с Матерью и удостоился мощью солнца, а вы знаете, что это такое.

От услышанных слов друзья пали ниц.

– Ну, если вы знаете, – продолжал говорить Тайт, – то я не буду тратить время на объяснения, но пора, друзья мои, прежде всего спуститься вниз с высот и сообщить подданным, что мы люди порядочные, а потому друзей никто не тронет и естественно того, кто выступит нашим союзником.

– Ты имеешь ввиду вождя Югурту! – воскликнул херусиаст. – Но ты знаешь, что он организует воинов и грабит соседей.

– Достойный вождь, наверняка остановился у переправ через Дунай. «У побережья ему легче держать под контро-

лем переходы», — сказал Тайт.

Собрание разразилось криками похвалы:

– Да сопутствует твоим деяниям удача и слава!

– Имейте в виду, что если Югурту угораздит попасть в руки моей матери, то Кийя не преминет ей отомстить.

– Мы не сомневаемся в том, Тайт Мосул.

– У Югурты чрезмерно свирепый вид; но к делу, сколько угодно презирайте серебро, дорогие мои, но это не должно мешать нам приобретать его. Я знаю, вы храбрецы, которые также жаждут получить металл, как жаждущие желают найти спасительный глоток воды.

– Этот эгоист сражается не на поле ристалища. Он избрал себе розы, а нам предлагает шипы.

– О да, – ответили херусиасты.

Не успел Тайт высказать своё мнение, как в дверь постучали три раза отдельно, на баркидский лад.

– Кто это к нам пришёл? – спросил, как бы себя Тайт Мосул. – Войди! – Приказал он.

Дверь отворилась и на пороге появился Алорк, старший писарь.

– Посланец от матери просится войти на собрание, – доложил он.

– Так веди его!

Алорк вышел и вернулся в сопровождении одетого в хитон мужчины с пышными волосами пурпурного отлива: приверженца оргий Вакха. Он вошёл в круг и остановился, вгля-

дываясь поочерёдно в каждого из стратегов ожидая, когда же заговорит хоть одна из этих неподвижных статуй.

Но вот Тайт Мосул обратился к нему.

– От чьего имени ты пришёл?

– Та, кто меня послала, – ответил гость, – наказала мне, ежели меня ты спросишь, сказать, что я пришёл от имени Исида, говорящей устами Матери.

– Ты должен сообщить мне нечто на словах или принёс письменное послание?

– Я должен отвечать на вопросы, что вы будете мне задавать и записать.

– Начну с вопросов. Что сейчас решают херусиасты хоры?

– Они берутся за оружие.

– А почему могучие сыны берутся за него?

– Они получили приказание Исида

– У тебя воззвание написано рукой Великой Матери?

– Вам её слова пергамента.

Алорк протянул записи и Тайт Мосул прочёл вслух:

«Позиция Ань Ти Нетери отражает позицию определённой группы херусиастов. Группа эта считает войну с Югуртой бедственной для Пан Ти Капуи и не разделяет радужных надежд на войну. В хоре говорят, что война эта способна вызвать ненависть к власти Ань Ти Нетери и посеять страх перед оной. Исида, воссевшая на трон после кровавой битвы, никогда не будет любима. Тем не менее Ань Ти считает, что главной задачей должно являться стремле-

ние расширение границы Горизонта Хора до Босфора, южного округа той территории, которая населена нумидийцами. «Да соединятся рассеянные, – призывает Великая Ханна, – дочери и сыны в единое могучее целое!» Великая Мать подчёркивает тебе – сын, что надлежит предоставить сражающейся Ханнат-Разрушительнице людей и вступить на военную стезю с ней.»

Тайт поднял голову, взор его сверкнул:

– Братья мои, вот и сбывается пожелание Мелькарта, – Тайт повернулся к Алорку, – а как откликнулась на воззвание Исида, моя мать?

– Так же, как и вы. Исида приказала народу повернуть к Мелькарту. А мне приказала спросить, решится ли Тайт Мосул держаться наперекор Великой Супруге Кийе?

– Я решился! – ответил Тайт.

– Итак, как только мы дадим наш ответ, мы возьмёмся за оружие, – сказал Тайт Мосул. – Как бы то ни было, поход на Босфор предрешён, а теперь отдохни, а завтра в путь.

Глава – 3

Разум прилежных насытится. Ненавидь ложное слово. Нечестивый бесчестит себя. Богатством выкунай жизнь свою, а бедный угроз не услышит. Собирающий трудами умножает его. Притчи Тин_ниТ.

Карлик поднялся по лестнице ладонью защищая пламя двурожковой лампы от порывов ветра, грозившего загасить его. Блики огонька пронизывали его пухленькие пальчики, делая их прозрачно-розовыми. Следом за ним шагал тот, кто не величался эпитетом «Солнце», которым юный Мильк не награждал его.

Сдвинув массивную щеколду и приоткрыв подвижную створку двери, карлик очутился лицом к лицу с женщиной. Когда Богомол поднял лампу к круглому своему личику из мрака выступила на свет её фигура: кожа женского тела отливала желтовато-масленным гляncем. Теперь над лампой освещалась светлая каёмка его стриженных волос. Широкий нос Богомола произрастал приплюснуто у выпучиных глаз, отороченных чёрными бровями. Вспученные щёки были сплошным румяным пятном и пронизаны были красными прожилками. Толстогубый рот и маленький подбородок дополняли его облик. Добродушное лукавство смягчало его непривлекательную фигуру. Кроме того, растянутые до крошечных ушей углы губ, пытались изобразить любезную

улыбку. Голова над лампой, как на блюде венчала фигурку, которая изогнулась дугой, отвешивая преувеличенно покорный поклон.

Забавного амура предупредил вопрос, сорвавшийся с уст женщины:

– Что тебе надобно?

– Благоволите извинить меня, ваша милость, за то, что я позволил себе постучаться в двери женской половины дворца в столь поздний час. Но божественная обязанность не знает законов и вынуждает Амономаха совершить проступок против вежливости.

– Если я верно поняла, сын мой странствовал по коридорам дворца и сбился с пути.

– Ваша милость ясно истолковала ситуацию, – ответил Богомол. – Надеюсь, ваша милость не отклонит желание его просьбы?

– Здесь, возле меня, ему будет лучше.

Богомол поклоном выразил свою благодарность.

В 6674²⁰ лето от Сотворения Мира в Звездном Храме. Старшей Женой Гет Бел Ра Амона (Барка) Тейя стала по доброжелательному своему согласию, согласию народа и родителей. Для внутренней последовательности повествования предупрежу, что политический характер этого обручения она осознавала, но момент ощущал некую недостаточность

²⁰ 1166 год.

в связи с его гибелью в прошлом году²¹ у стен Ра Саки, что в излучине дельты Дуная. Но нелишне напомнить, что девственность её была нарушена в гареме храма Аштарет, где её любовь начиналась. Став по-настоящему женщиной, она была оголённой в великосветском мужском гареме скопцов. В нём её на руках носили голые овны, в нём Тейя стала первой среди двадцати четырёх других – утопавших в роскоши красавиц. А в гареме Гет Бел Ра Амона она оказалась почётной и показной принадлежностью благословенного дома, нужной службой любви и подругой: была чуткой к каждому его мановению, грустившей если он был печален, и облегчённо болтливой, если ему делалось весело, и глупейшим образом ссорившейся с ним из-за милостей овнов, когда те – сидя среди иерофантисов – угощённые амбровой водкой играли за шашечницей на почётную партию с Тейей. Она действительно была второй женщиной в храме Аштарет – любовницей в высоком смысле, которая занимала собственный покой в главном адетоне, и которая во время приёмов с плясками и музыкой, устраиваемых для знати, изображала, даже, Исиду в себе. То был наивысший почёт.

Жизнь у неё была напряжённая, заполненная светскими обязанностями – обязанностями праздными и обременительными. Известно, как много сил отнимает у знатной женщины одна лишь культура и известно, насколько соблюдение лишь внешней её формы губит жизнь чувств. Холодная пу-

²¹ 6673 лето – 1165 год.

стога сердца незаметно для сознания становится не такой уж и печальной привычкой души. Этот естественный феномен женской аристократичности – дамской её жизни – удачно сочетался со званием супруги Владыки Надзора²².

Ритуал Тейи у туалетного стола всегда притязателен, независимо от того, должен ли он был подогревать желание супруга или являлся самоцелью общественного долга. Благодаря высшей школе искусно использовались помады, кисточки и снадобья. Жрице делались драгоценные украшения глаз, искусно укладывались густые кудри волос, пересыпанных лазурной или золотой пудрой. Бережно подгонялись тончайшие одежды и мелкоскладчатые наплечные накидки, а также украшения для головы, рук и груди. После исполнения воли на притязание, после ухода за финифтью отсвечивающих ногтей рук и ног, после душистого омовения, после удаления волос, умощения и растирания – она актам эрота подвергла своё смуглое тело, производимыми опытными в многообразной игре овнами. Они работали без малейшей небрежности в этих делах, ибо небрежности вызвали бы пересуды у знати и скандалы во дворце.

Знала она и визиты подруг, к которым она отправлялась на носилках-лектике, если не принимала их у себя. Были ещё службы при богине Тиннит Пене Баал, к чьей свите принадлежала Тейя. Она носила опахало над живым изваянием Тиннит окутанной чёрными крыльями голубки и вос-

²² Собственного сына.

седавшей на носилках-селле. Тейя была обязана участвовать в ночных праздниках на заливе устраиваемой этой зачинательницей Эшмуна, пышные красоты которых погружались в искристые краски цветных факелов. На праздниках, её благочестиво-почётная обязанность, её аристократический лоск, приобретала жреческий оттенок, придававший надменно-строгое выражение её широкому глазу. Эти обязанности, вытекавшие из её принадлежности к храму Тиннит, и её положение наложницы Эшмуна подтверждали в ней Подругу Царицы. И такая сторона её жизни усиливала в ней холодность высокой женщины и закрывало её сердце от мягких и тёплых мечтаний. Воздействие этой должности на неё непосредственно давало ей её замужество, которое такое воздействие требовало.

Гарему Гет Бел Ра Амона было чуждо плотское воздержание, а значит воздержание было чуждо и природе Аштарет, чьими воплощениями были Тейя и её подруги. Тейя Ань Нетери являлась наставницей мужского и женского гаремов и как нам известно, она была обручённой женщиной – супругой погибшего Гай Мельгарда Барки. Состоял хор гаремов из обручённых женщин и мужчин-овнов – посвящённых скопцов, подаривших Тиннит-Аштарет – на весеннее рождество – своё семя. Тейя умела внушить о себе представление обществу, которое – в свою очередь – помогало ей сохранить красивым голосом и танцевальным мастерством положение высокой наставницы. Это было дело, заявлявшее о себе всему

миру и смыслом её жизни доставлявшее ей те сверхутешительные возмещения, которых требовали душевные её глубины.

Тейя была элегантной женщиной чьи силы забирались требовательной цивилизацией и была храмовой собственностью – предметом. Так и жила она праведной женой Владыки Надзора – Гай Мельгарда Барки, благоухоженная и носимая на руках безопасными овнами – укреплённая в личном дольстве всеобщим коленапреклонным уважением. Неверно было бы считать эту историю дикой областью, то, что совершенно неведомо нашей яви и начисто заштриховано от нас, теперь познаётся умами этой историей. Ведь путь к этой области знаний проницаем и от того познаваем. Путь уверенно проходит через пространство души, что доказывает наше смущение, мысль и тревога, охватившие нас для пробуждения. Познав историю нам снится сон действительности. С тех пор, как вы, благочестивый читатель, впервые узнали эту госпожу, когда она проплывала на золотых носилках, вы изменились с точки зрения познания к лучшему, о чём никак не заметил бы в себе тот, кто видел её в те годы непрерывно.

С другой стороны, гибель Гай Мельгарда Барки вышла из её пригожести, она стала сурова и суровость её, сохраняла общую обаятельность, и решительно обратила свою силу в одном направлении – в направлении расширения территорий. И при этом она возвысилась до Владыки Надзора, сидя на поставце трона, теперь одиноко, но с дочерью Исизой.

Красота её вобрала кое-что от матери, особенно когда она по-матерински прищуривала глаз – это глаз матери, а лицо – при этом – становилось строже, да и смуглее и было не более правильно, не более благообразно, чем у женщины, родившей её. Об изменениях в осанке от следствия не семилетнего возраста её, а обязанностей, с которыми она сжилась, мы догадываемся. Прибавился внешний лоск богочеловека, который необходимо принять во внимание, чтоб верно представить внешность Исизы.

Фаворит перед покоем женщины – нужно представить его в белой одежде для сна: то было нижнее платье с короткими рукавами, оставлявшими открытыми руки. Он не прятал курчавых волос, голова была не покрыта ночной шапочкой, они спадали равномерной частоты прядями, а у затылка – меняя свою фактуру – волосы падали к плечам мелкими завитками, набегающими один на другой. На шее широкая из золота цепь, на которой висел защитный скарабей. Лицо его в эту минуту оказывалось изменено иератической картинностью, достигнутой искусными приёмами, которые он использовал в своём туалете – это симметричное подведение финифтью бровей и вытягивание линии верхних ресниц к вискам. С таким лицом – кастрированный овен – стоял он в её храме, таким видела фаворита Тейя сейчас у своего покоя и таким он появлялся в гареме. Он умел согреть сердце Тейи.

Тьму разрезала лампа Богомола и нужны были заушательские указания карлика, чтобы у Тейи шире открылся глаз

на него. Что же, Тейя хотела понимать карлика, если она глядела на Богомола строго, то это ей казалось достаточным оправданием того, что она вообще глядела на него. При этом она не замечала, что от строгости, с которой она глядела на слугу, постепенно ничего не оставалось, а оставшееся любопытство заслуживало уже другого счастливого имени. Тейя, своим вниманием, убеждала маленького Богомола, что её очень интересует его существо раболепия. Она чувствовала, что обязана проявлять этот интерес к маленькому в силу своей слитности с Величеством Исиды.

Богомол помогал ей сейчас оправдывать удовольствие, доставляемое ей этим посещением, которое она называла заботой и обязанностью. В эту минуту Тейя собиралась с мыслями. У задней стены залы сидела служанка с сильно намазанными волосами, она обязана была сопровождать мысли Тейи тихой игрой на лютне. Женщина была убеждена, что должна подумать, вопреки настоянию фаворита и просительной выпренности Богомола, допустить ли Амономаха на ночь под большой навес ложа. Из-за важности такого вопроса она только радовалась этому размышлению зная, что радость её вызвана тем, что ей – Исиде, предстоит вновь любить фаворита. Не удивлялась Тейя и тому, что с радостью ждала любовного вожделения, которое она должна была дожидаться от супруга. Её ротик улыбался, когда видела, как смиренно гаснет под веками взгляд мужчины встретившись со строгостью её взгляда. Она полагала, что этого уже

достаточно. Но тут ум предостерегал её указывая, что искусственный строй жизни её грозит рухнуть, но она объясняла себе с лицемерно преувеличенной беззаботностью, что не понимает таких опасений. Ведь теперь она была призвана расширить путь авантюр, с которыми – чего бы это ни стоило – хотела она идти. Могла ли она спохватиться, протрезветь, опомниться прежде, чем станет поздно? Могла ли она сама опознать опасность, которую не стремилась предотвратить? Было ли в её сознании предположение, что человеку, в сущности, важнее всего сохранить от потрясений собственный уклад жизни, создаваемый с великим искусством и большой тщательностью? А может она уже понимала, что мир и покой строится только беспокойным способом! Не перечислить всех примеров свидетельствующих, что человечество стремится к своему миру, не испытывая ни малейшей благодарности к тому, кто своими авантюрами, кровью, войной хотел его покой уберечь.

Облекать истории древности в слова и рассказывать их невозможно, но важна не сама суть историй – её можно выразить, а важен её аромат и флюид: счастье пережитой ими современности, которым та современность была пропитана, и которым я наполняю вашу душу «сновидца» долгое время спустя. В этом повествовании «сну» принадлежит решающая роль: задача «сна» поведать вам пережитое кровавым созиданием, как бы не удовлетворяла народы каждая такая попытка созидания!

Глава – 4

Надежда, сбывающаяся не томит сердце. Желание – древо жизни. Не пренебрегай словом. Не причиняй вред себе. Не бойся заповеди, ученье воздастся. Не будь не добр. У разумного дела успешны. Притчи Тин_ниТ.

Итак, Тейя села на ложе в собственной палате голубых колонн, на шелковистый балдахин, в той предупредительной тишине, какая во время такой процедуры всегда возникала. Однако на сей раз тишина была особенно глубокой, ибо вошедший мужчина не только безмолвствовал, но и старался управляться с делом совершенно бесшумно и оттого, в тишине, отчётливо слышалось его дыхание занятого делом. Шорох был настолько отчётлив, что казалось, что он был бы слышен и при менее обстоятельной тишине, так как походило скорей на пыхтенье. Этот шорох вызывал Эрота и то ли потому, что Тейя к ним прислушивалась, она недостаточно внимательно следила за действиями своих рук, которые коснулись мужских ног. Её служанка – одетая в паутину, деловито склонилась над парой, как будто нужно было привести что-то в порядок. Богомол, качая головой, глотал сладкое печенье, пропитанного вином и нанизанного на позолоченную бедренную человеческую кость, которую он держал за ядрёный конец пухлыми пальчиками и делал вид, что целиком поглощён этим занятием. А Тейя ободряюще подмиг-

нула ему искрящейся шелкой глаза смуглого лица и было ясно, с каким она это сделала смыслом. Поняв, что свет лампы недостаточно ярко Богомол соскочил с ложа обручения и подбежал к не зажжённым канделябрам. Тут, пошарив в резных складках деревянных столпов, он достал кремень и трут, высек огонь и зажёл фитили – освещение стало роскошным. От плашек с короткими рыльцами для пылающих фитилей палата оживала. Богомол поджимал губы глядя, как пара резвилась на ложе и рад был присутствовать при этом эросе господ.

Повеяло жизнью и теплом: мебель и стены стали более заметны. Помещение для тепла было устлано войлоком, а поверх войлока ещё и пёстрыми коврами, и такими же коврами были облицованы стенки. В глубине из кедрового дерева ложе на медных ножках, покрытое подушками и одеялами. Возле ложа всегда и во множестве возгорались фитили, ибо зазорным для благословенных было бы совершать акт без огней. Расписной кувшин с ручками стоял на плоской крышке смокового ларя, украшенного по стенкам синими накладками. По углам покоя стояли раскалённые жаровни. На табуретах стояли курильницы, из окошкообразных отверстий которых клубился тонкий, пахнувший корицей, дымок. На столике стояла неглубокая золотая чаша на изящной подставке, изображавшей в рукояточной своей части женщину – музыкантшу.

Амономах приятно отдался во власть сладостных ощущение

ний. Женщина волновала его воображение, она представлялась ему божеством, сошедшим на землю, нежели обыкновенной смертной. Тейя в самом деле была прехорошенькой женщиной, способной увлечь его. Происходящее казалось ему сном, и он боялся проснуться. Тейя заняла место напротив Амономаха, а служанка расположилась возле мужчины. Богомол же взобрался на ларь и с любопытством следил за привычными приготовлениями, намереваясь насладиться духом назревавшего эротического акта. Широкие глаза сверкали восторгом, подбородок серебрился слюной вождения. Он был не прочь приблизиться к ложу и принять участие в подвижническом воздержании, но его пугала служанка и трусость брала над ним верх.

Огнём была дана возможность Богомолу рассмотреть женщину кумира, рельефно выступающей на ярком свете. Слегка удлинённый овал лица, нос с чуть-чуть заметной горбинкой, выпуклый карий глаз – левый (слепой) прикрыт солфеткой, вишнёвый ротик, придавали ей благородный вид, чему способствовали вьющиеся волосы двумя волнами ниспадавшие вдоль щёк. Длинное платье, с блеском серебра и золота, отделялось с каждого плеча, оттеняя изящество её тела. На нём блеск и краски: багровый, белый, оливковый, розовый, цвета изображений звёзд, голубей, богов, деревьев, людей и животных на синевато-дымчатой ткани. В таком платье Тейя была в роли Аштарет – эта богиня самым решительным образом вплеталась в её великолепие. Это платье,

подарок Великой Супруги гарема Инь о Кийи, позволяло ей иметь высокую осанку и, даже, проявлять Исиду в себе. Привычка играть Исиду и быть ею, наделило Тейю манерами божественной кокетки. Лицо дышало свежестью и кроме того – это платье казалось ослепительным мужчине, привычному обнимать цариц. К тому же он и теперь – прежде всего – был занят телом богини, чтобы обращать внимание на тело чьей-то супруги.

Амономах видел затенённый длинными ресницами глаз Ханна, видел ротик, округлившийся сердечком, скорее естественно, нежели наигранно. Он видел вьющиеся её пушистые волосы, видел широкую нить серебряного её ожерелья. Тейя удерживала его возле себя. Она не ослепляла – она пленяла, что, безусловно, более ценно. Эта женщина полностью перевоплощалась в богиню оправдывая титул «Исида», которым владела, как призванием.

Кожа золотисто-смуглого оттенка открылась глазам зрителя. Карий глаз искрился. В сердцевидных пунцовых губах вспыхивали оскалы зубов, которые сделали бы честь Аштарет. Тейя опалилась зноем страсти Великой Женщины и её огнём ума. Она была нага наготой, которая радовала взор мужчины, а она умела получать и передавать записки Эрота. Какой же уверенностью в чарах должна была обладать смертная женщина, пользующаяся услугами евнуха. Немало пылких скопцов попало к ней по значению приза, но проходя через её руки не один из них замешкался, оставляя её. Она

была из тех женщин, что сделаны были будто из теста, сдобренного пряностями, но проявлявших хладнокровие ростовщика чуть дело коснётся их интересов. На ней был фантастический наряд – жёлто-смуглая кожа её плоти. Глаза поблескивали из-под удлинённых век. Ань Ти Нетери в истории этой продолжала его призывать, истекать – увлажнявшим простынь – соком, молча радуясь его вниманию и радуясь, независимо от этого внимания, по поводу своей оголённой души. А упрямо сочившийся сок вызывал в ней чувство восторга. Ей не было жаль невысказавшейся до конца души, не о себе и не о своей задаче, а о милой ей дельте любви. Вдруг она спохватилась, что из-за собственного желания чуть не забыла о своей обязанности – отдать признательный свой взгляд счастью, возвышающемуся самым подобающим образом. И она подняла брови и любо взглянула на мужчину, стоявшего перед ней стопами на ложе. Он – его позвал её манящий взгляд – приблизился к ней и был теперь близко от неё, и близость эта была чувственна. Она взяла ловкими пальчиками его взбодрённое гранатовое яблоко и приложила его к своему рту, так что пальчики вдавились в мякоть прижимая яблоко к нижней губе. От восторга кровь у него застыла, а в палате всё было внимательным и ожидающим.

Богомол вскинул голову и его согбенного затрясло ознобом. Он ощупывал пальцами пустую мошонку и закутав ладонью вершину короткого пениса, сокрушённо теребил его, качая слепым – поддёрнутым кверху – лицом. Карлик стоял

на крышке ларя и грозил золочённой человеческой косточкой, на которой уже не было печенья, а рот его, с налипшими хлебными крошками над подбородком, отворялся и затворялся, извергая беззвучную песнь. Любовникам были ведомы слетавшие с хлопотливого Богомолова языка мысли, ибо в дружном и громком его дыхании можно было различить шёпот:

– Да, это так, – шептали губы Богомола и взгляд его ещё глубже, чем прежде, уходил в себя. – Так живут благословенные и жить так им свойственно. Они должны держать своё сиянье под спудом, чтобы оно не заблестало им во вред, тогда как большинству приходится блистать ложным блеском, чтоб продержаться.

Карлик поглядел на своих господ.

– Какие вы милые! Люди правы, когда улыбаются вам!

Слова эти повторялись Богомолom снова и снова. Шепчущий голос его ясно слышался Тейей, когда она засыпала от блаженства исцеленья, ощутив, как кадуцей жизни её ударили.

Глава – 5

Учение – источник, удаляющий от смерти. Разум – это приятность. Путь беззаконных жесток. Благоразумный действует со знанием, а у глупого на показе глупость. Притчи Тин_ниТ.

Когда Тейя – пробудившись ото сна – открыла око, взгляд её упал на сводчатый потолок, выложенный из камней, а затем обежал стены. Возвращающееся сознание ещё боролось с остатками ночных грёз. Сон это или явь. Что с ней творилось? В эту минуту страстные сцены вновь представились ей. Она вспомнила Амономаха, когда тот касался её; вспомнила служанку, когда та помогала ему; вспомнила Богомола, когда он творил свой магический обряд. Припомнилось ей и то, как в минуту вожделения лобное место её оросилось чудесной влагой, как ощутила слабую боль и чувствовала, что жива, что наполняется она здоровьем и силой.

Женщина окинула палату взглядом. Окошки были узки, как в крепостной стене и освещения от них не было. Но яркий дневной свет просачивался всё-таки сквозь щели ставень, но сумрак вбирал его в себя, отчего внутри царил мягкий радужный полумрак.

– Святая Мать! Сделай так, чтобы первое лицо, какое войдёт в спальный покой, будет лицо заступника и супруга.

Сквозь лёгкую завесу тишины её слуха достиг чей-то го-

лос. Тейя приподнялась на ложе, её груди вздулись и налегли на живот. Она прислушалась, глаз расширился, наконец, радостно вскрикнув, она упала на подушки с золотой бахромой и бархатом.

Тейя узнала голос Амономаха.

Не прошло и минуты, как створки дверей раскрылись, и он появился на пороге. Она закрыла глаза руками, а дрожавшие её губы повторяли, как в лихорадке:

– О, Аштарт! О, Аштарт!

Зрелищем, взволновавшее её взор, являлось прямо-таки сияние лица. Глаза его, будто алмазные, мерцали точно звёзды. Платье на нём было из шёлка, пурпурный цвет подчёркивал необыкновенную красоту поклонника солнца. Рождённый женщиной из свиты Аштарет: статный, чернобровый, горделивый, самый пригожий изо всех мужчин, смотрел он на Тейю с покорностью. Видя, что волнение не покидает её лица заговорил голосом низким и счастливым:

– Привет тебе Исида!

– Я тебя люблю ужасно.

– Я фаворит твой! Мне бы сидеть у порога да в очи твои глядеть. И я любви желаю! Не чужой я тебе – друг верный.

К щекам женщины прихлынула кровь, очи полыхнули огнём. С минуту продолжалось молчанье.

– Будь покоен, ты во мне, как Солнце в храме.

Тейя подняла к небу очи благодаря, что есть на свете человек, который чествует и возвышает её. Но не произнесла она

его имя, дабы не навредить этому имени, не дразнить в ком-либо свирепого зверя – зависть. Голова её упала на подушки: всё шире развёрзалась перед нею пропасть историй – без дна и без желания на избавление. Нежное её лицо выражало волю, гордость и силу. Голубка более походила на орлицу.

– Так ты будешь ко мне добра?

Белые зубы женщины сверкнули в улыбке.

– Отчего же мне не быть доброй, – сказала она.

Тейя ещё не называла его сновидцем, это пришло позднее. Сон о воинских сборах, которым он утешал её, являлся недостаточным, чтобы обратить внимание на его притязание сновидца, а об остальных снах, будто бы его посещавших, он не упоминал. Последний разительный сон был значителен по своему замаху замысла. И Амономах выкладывал его. В этот час откровенности женщине случилось выслушать сон, умалчивать о котором он не собирался. Тейя, будучи любопытной женщиной, выслушивала его с живейшим интересом и даже порой чего-то выпытывала. Увлечённая тайной мирта и им прежде взволнованная, она не могла – слушая фаворита – избавиться от боязливости, которую приписывала своей женственности и поэтому старалась её преодолеть. Ведь чувство это имело объективное основание. Она, встревоженная вопиющим «сном» для народа, слушала его. Она признавала необходимость такого сна и как первая слушательница была сном покорена.

Сон – предмет отвлечённой идеи, Амономах рассказывал

с закрытыми глазами, негромким, порывисто повышающимся голосом, явно волнуясь и просил Тейю слушать его как можно спокойнее.

– Прошу тебя, не прерывай меня никакими вопросами, не тревожься от сна и не плачь! – говорил он.

– Как можно, Амономах! – отвечала Тейя. – Я знаю, какой мне быть. Я буду спокойна, а как только мне станет не по себе, я вспомню, что это лишь сон и то меня охладит.

– Мне снилось, – начал свой рассказ Амономах, – будто я был на вершине башни, один над народом, что бродил вокруг выси, на которой я стоял. Стопы мои опирались о вечный камень и мысли мои были так же ленивы, как моё тело. Вдруг на меня и на башню упала тень, так будто туча скрыла солнце, а воздух наполнился могучим грозвым трепетом. Когда я взглянул вверх, оказалось, что надо мной кружит огромный орёл, от него-то и падала тень. Меня обдало ветром, птица обхватила меня лапами и, гребя крылами, понесла вверх от земли.

– Это чудо! – воскликнула Тейя. – Но я тревожусь, ведь тебе следовало призвать о помощи.

– Нет! И нет! – ответил Амономах. – И по понятным причинам, ведь вокруг башни не было никого, кто мог бы меня услышать и, ведь у меня захватило дыхание, от того я и не мог закричать.

– Конечно Амономах, ты не мог проявить слабость.

– Мало того, на душе у меня было радостно, мне подума-

лось, что я давно этого ждал. Обхватив меня когтями перед собой так, что его клюв был над моей головой, а ноги свисали вниз, он склонил свою голову и оценил меня своим широким глазом. Потом он раскрыл железный клюв и сказал: «Не слишком ли крепко сжал я тебя неодолимыми своими когтями? Знай и не тревожься, я слежу за железными когтями, и они не причинят вреда твоей плоти! Горе мне, если я причиню тебе порчу!» Я спросил: «Кто ты?». Орёл ответил: «Я – птица, образ крылатого Солнца. Ты – дитя моего огня, будешь переселён, так решено Эшмуном». – «Но почему?» – спросил я. ««Не спрашивай», – сказал ширококрылый орёл, – вопросов никто не задаёт во вселенной. Такова воля Дуумвира, вопросы за чертогом задают лишь суду Маат – Двух Истин: не мудрствуй, лучше не касайся словом о непостижимости!» После такого предупреждения сердце моё было полно радости.

– Было ли тебе грустно улетать от земли на орлиных крыльях, и что значит этот сон.

– Я был отнят от Матери Земли и не мог ничего изменить, но мне казалось, что я ожидал этого многие лета. И это ожидание было велико и великим было то, что происходило со мной.

– Я удивляюсь такому чуду! – сказала Тейя.

– Прими во внимание, что после короткого полёта орёл сказал мне: «Погляди вниз, сын мой, на сушу и на море, какими они стали!» И суша была запружена воинственным на-

родом, а море боевыми длинными лонгами. Скоро в облако погрузился со мною орёл и крылья его намокли, но в серо-белой пелене виднелись золотые проблески. На влажных тучных островах стояли в серебрянных доспехах сыны неба и воины небесной рати. Они глядели на меня из-под руки Эшмуна, а звери, лежавшие на подушках, поднимали носы и обнюхивали ими ветер моего полёта. Но когда я пролетал мимо их, они опускали носы и опускали глаза. И вот я спросил птицу: «Куда же и на какую высоту ты несёшь меня?» И орёл ответил: «На высоту самую высшую, дитя моё, ибо мне велено доставить тебя к сокровищнице жизни, мира и благословенья, в самый адетон Великого Дворца Эшмуна. На вершине престол величия, который ты будешь каждодневно обслуживать. Ты будешь стоять перед Дуумвиром и отпирать и запираить покои мира, и выполнять всё, что тебе велит престол Абсолютной Сущности! Ты будешь привратником для народа и ключником у народа!» Я сказал орлу: «Если я избран и выделен среди смертных, то так и быть. Это для меня не совсем неожиданно».

Тут я увидел страшную, из вечного камня, крепостную стену, зубцы которой были усыпаны небесными воинами Мелькарта. Они до пят прикрывали себя крыльями и ноги у них были как начищенная медь. Два смелого вида воина, с гордыми складками между бровями, стояли рядом опираясь руками о копыя и крутые щиты. Орёл сказал мне: «Они – Тот и Тиннит.» Далее я услышал, как Тот сказал Тиннит: «За

десять тысяч миль чую я его запах. Скажи мне, чем пахнет рождённый смертной женщиной, не гнушающийся разбоем и в чём достоинство того, кто возник из капли белого семени моего. Почему этому герою дозволено подняться на Высшее Небо и нести службу возле нас?» Тиннит испуганно приложила палец к губам. А Тот сказал: «Я полечу предстать перед Двудиким и отважусь сказать слово, ведь я знание солнечного луча и молнии, и мне заказано говорить.» И он полетел к Двудикому лицу.

И через небеса, через сферу, полные восхвалявших Эшмуна эфирных теней, везде, ко мне присоединилось по несколько теней от каждой высоты, так что, спереди и сзади, орла и меня сопровождали стаи крылатых существ. Крылья их шуршали, как шуршат листья в лесу. О Тейя, верь мне! Я созерцал огнезданный покой солнца и было в нём семь огненных алтарей окружённые семью ратями небесного воинства. В покое главенствовал Мелькарт облачённый в роскошные священнические одежды жара. Крыльями жара, будто руками, он приносил жертвы и столбы дыма вздымались над алтарями всесожжения, неся запах Дуумвиру. Оно взяло меня и повело за руку, оно было голое и украшено золотыми запястьями и бусами, кончики крыльев касались его пяток. На лице были тяжелые веки и широкий нос, его рот улыбался, но Двудикое лицо не поворачивало ко мне головы: одна грудь у него была мужская, а другая – женская.

Светлая и мягкая почва была так приятна моим подош-

вам, что поднявшаяся во мне волна восторга докатилась до самых глаз. Передо мной и позади меня, стояли дети Эшмуна. Я видел повсюду сверкающие кольчуги и бесконечные полчища теней, сгрудившихся вокруг меня и поющих военную песнь. Они плыли колоннами, штандартами и боевыми конями. Я видел вращающиеся колёса колесниц с горевшими ободьями. Светлая и мягкая почва была так приятна моим подошвам, что поднявшаяся во мне волна восторга докатилась до самых глаз. Передо мной и позади меня, стояли дети Эшмуна.

А у моей цели искрился огненными камнями Вечный Город, в котором стоял Собор Сот(ф)ии²³, выстроенный из света сапфира и к нему, мы направились с толпами воинов. Я вошёл в срединный колонный зал и долго следовал между колонн к престолу Исиды. Воздух напоен был женским ароматом. Собрание женщин восклицало:

«Свята, свята, свята, мать Исиды, мир исполнен материнством твоим!»

И тут толпившиеся вокруг трона керубы прикрыли себе крылами лицо, и двуликое лицо сказало мне: «Спрячь, и ты лицо своё!» – я закрыл ладонями лицо, но поглядел сквозь пальцы. Женщина Мать перевоплощалась в брата близнеца – Тота.

– Скажи ради бога: ты видел две головы? – Спросила Тейя?

²³ Исиды.

– Я видел, как он возник в сапфировом свете, – отвечал Амономах, – и была в нём грозная величественность. Волосы его светились и весь он был в угрозе, но подглазья у Тота были усталые и глаза его вглядывались в меня, когда я приблизился.

– Мне кажется, – сказала Тейя, – то были глаза приниженной Тиннит!

То были Отец и Мать, и я пал ниц. Тут раздался голос Эшмуна:

«Подойди ближе, дитя Аштарет! Ибо ты будешь стоять у моего трона устами Белого Света²⁴. И под началом будет всё моё воинство, ибо я вольюсь в образ Эшмуна и пусть он будет благосклонен ко мне.»

И по толпе прошёл рокот, зашевелилась его несметная рать.

Но тут Тот дрогнул, скрючился и раздвоился. Вступила на трон Тиннит, ведь она слышала разговор, она сказала:

«Кто таков этот, чтобы явиться в высшие сферы и нести службу среди нас?»

А Тот, прикрыв глаза двумя руками, чтобы смягчить свои слова сказал:

«Разве этот смертный человек возник не из капли жаркого огня и разве он не из племени тех, что пьют кровь, как воду?»

И я увидел, как омрачилось гневом лицо сестрицы, и сло-

²⁴ Баал.

ва её прозвучали очень надменно:

«Ответь брат, что ты затеял?»

На что Тот ответил:

«Ты не перечь, сестрица. Ты и я – два лица! Двуликое лицо велико, и кто с ним равен? И право я назначу его отроком, устами молчаливых уст».

Вновь по воинству прошёл рокот, но то было уже отступление похожее на поклон. Вся рать громогласно воскликнула:

«Хвала величию!»

А Двуликое лицо добавило:

«На тебя я кладу длань свою и благословляю его тремястами шестьюдесятью пятью благословениями, и дарую ему могущество и величие Мелькарта. Я подыму тебя на трон – сотканный из блеска и света, красоты и величия, ибо не желаю знать меры. Перед тобой прогремит клич: Внемлите и трепещите! Белый Свет назначил Мелькарта над всеми детьми неба и детьми земли, к имени которого прибавляется имя Аштарет. И с любым делом, требующим моего решения, любой небожитель должен прежде всего явиться к нему и переговорить об этом деле с ним, так, как и любой житель земли должен обратиться прежде всего к ней – Аштарет, проявляющей в себе Исиду. Всякому их слову, сказанного от моего имени, все обязаны внимать и повиноваться, ибо молчаливые уста мои помогают мудростью и умом!»

Вот какой клич прогремел перед толпой:

«Дайте устам Баала одеянье и венец!»

И Эшмун накинул на меня великолепное платье, сотканное из света и цветов, и я – Амономах, одел его! Я взял золотой обруч несказанного блеска. Перед лицом всего небесного воинства он собственноручно надел его мне на голову и назвал меня полным моим званием: отражение Эшмуна. Тут согнулись и склонили головы могущественные, многосильные львы смерти, которые выше, чем небесная рать и тех, кто несёт службу у трона величия – они закрыли лицо. А Исида поднялась с трона и изрекла:

«Пробился на земле росток кедра, и я пересадила его на высоту, величественную башню, на которой живут птицы. Я, в непостижимости своей, возвеличила его надо всеми из благоволенья к нему и любви к брату! Я вверяю его надзору все драгоценности и все сокровища жизни, хранящиеся на высотах неба и глубин земли. Кроме того, его обязанностью будет надевать вещи на головы священным животным.»

«Сестрица!» – сказал Мелькарт. – «Не чрезмерно ли это?» – Я и Ты – два лица! И, кроме того, украшать силой многопышиного солярного колоса, облекать великолепием инфантоподобных овнов, сообщать блеск и яркость конусообразным столпам храма. Каждое утро, когда я собираюсь войти на трон Величества, дабы обозреть высоты могущества Аштарет, ему надлежит закутывать меня в прекрасный наряд и надевать на себя плащ славы и гордо-

сти. Тяжёлым обручем увенчал Дуумвир его голову, уделил ему нелёгкое величие, великолешие и блеск престола, но мы – Солнце и Звезда, не уделим ему величия больше, чем наше собственное, ибо оно бесконечно! Имя же наше, есть, Мелькарт и Аштарет!»

После этой речи загрохотал гром, и все небожители пали на лицо. Так Эшмун удостоил меня почётного избрания: плоть моя превратилась в живую, жилы напряглись, кости отвердели, ресницы шевельнулись, глазные яблоки прозрели наяву, волосы на моей голове шуриали от ветра, и я проснулся.

– Я волновалась, – призналась Тейя, – слушая твой сон. Он превосходит все сны. Ты и сам тоже волнуешься и дрожишь.

– Чтоб я дрожал от собственного сна! – воскликнул Амономах. – Я возносился на небо не навсегда, не безвозвратно!

– Я не была удивлена этим благоволением Эшмуна.

– Послушай, что я тебе скажу, ведь я, ввиду твоей зрелости и твоего разума, тебе доверяю! Расскажи семье и, ещё лучше, женскому гарему о сне, который я тебе рассказал, пусть все они его истолкуют!

– Конечно, мой Амономах! – ответила Тейя. – Сон очень существенен и мне легче рассказать его всем от того, что ты позволяешь мне рассказать его в благодарность за твоё доверие. А ты радуйся избранию своему, которому сподобил тебя Эшмун! Что касается меня, милый, то я нахожу такое из-

брание вполне заслуженным и братья твои, наверно, не станут перечить тебе из зависти. Ведь они чтят мать, как нам с тобой это известно.

Амономах поднял к небу лицо, а руки коснулись ложа. Уста зашептали словами молитвы.

Глава – 6

Не попадай в беду, вернёшь – спасение. Не отвергай учение. Соблюдай наставления. Будь в чести. Желание, исполненное приятно. Уклоняйся от зла. Общающийся с мудрыми будет мудр. Притчи Тин_ниТ.

По всему юго-восточному участку побережья Днестровского лимана зашумело народом: предвестье близкой войны давали о себе знать. Сон Амономаха катился будто пыль, который ветер по земле гонит, и который в народе предвидением считался. В городе, опоясанном коронками крепостных стен, шептали о предвидении великой войны и при этом люди догадывались, какой Бог и с каким Богом собирался воевать. Безусловно что-то назревало. Народы собирались толпами, переговаривались и решали кому оставаться, а кому вооружаться. У бродивших по дорогам путников выспрашивали новости. Более суеверным по ночам мерещились отсветы в звёздном небе или мнилось, что луна красней обычного встаёт из-за кромок гор. Щит луны предсказывал ристалище и всё было тем естественно, что к тракиям и иберам, издавна свыкшимися с тревогами, битвами, набегам, страху нелегко было подступить. Виден был пыл: забиячество сделалось повсеместным.

Появилось невиданное множество одержимых богом лирников, они слонялись повсюду, пророчествовали – кривля-

ьясь, раздеваясь и голыми, на морозе, гримасничали перед людом в судорогах и оргиях. Эти мисты сулили, что день суда близок. Народ, стиснутый в границах, не вмещался в них, он распухал их. Народы убеждали, что не могут они в границах прокормиться, от того поход казался им кстати, множество людей вербовалось, чтоб разбрестись по новым местам поселений. Бессчётно наёмников было, тем кто намеревался мечом и копьём взыскать от Ань о Кийи, напасть на её угоды, им кинули клич, и они слетелись, точно стремящиеся попировать вороны. Что-то, значит, и вправду назревало. С осени ходил слух о большой войне с храмом Киевца²⁵, которую Баркиды замышляли, чтобы им была спорная добыча, так что слух и сон перемешались, и посеяли в душах человеческих ожидание чего-то уже известного. В державе к концу марта беспокойство переросло в брожение, ибо страх никого не сдерживал, число военного люда множилось.

По приезду в Бел Город, Ань Ти Нетери разослала письма, велела сгонять стада и вести войска к дельте Дуная, городу Ара Сак. И вот пришли известия, что у Бел Города: точно рои пчёл, наёмники взбесились, торопя Ханнат-Разрушительницу на дикую охоту. Стратеги поспешили уведомить ответом, в котором убеждали, что ко всему они относятся серьёзно:

«... Доношу, – стояло в письмах, – что собираю со своих лугов и речек пешее и конное войско, торопя других. Пола-

²⁵ Антиохия.

гаю, я, гроза моя обрушится и ежели случится такое, дай Мать, чтобы погибель врагу от Ханнат-Разрушительницы приключилась.»

Но Тейя верила больше делам и поступкам, чем словам и письмам, ибо понимала цену слепой доверчивости и козней своих друзей. Поэтому стремилась она собрать, как можно больше войска, а до того обстоятельней разобраться в происходящем.

Через двое суток после дня, когда произошло это маленькое событие три человека, расхаживали рядом по большие аллеи двора дворца Баркидов. Они оживлённо беседовали и оба сопровождали свою речь выразительными жестами. Эти три человека были: мать Тейя и её сыновья, старший брат Тайт Мосул и средний брат Ань Бул.

Тейя Нетери с тревогой размышляла о бедствии какое может сулить Баркидам сопротивление Ар Саков у дельты, имевших союзническое обязательство трону Ань о Кийе. Она уже знала, что хора Йороса²⁶ не освободилась от такого союзничества – это играло на руку ей. Ведя переговоры с этими племенами, она напоминала им о предательстве и их виности в гибели Гет Бел Ра Амона (Баркида). Наконец она вытребовали дозволения для себя беспрепятственно провести войско до Ар Саки. Амономах настойчиво уговаривал поторопиться с движением армии на юг, а она соглашалась.

²⁶ Город на Босфорском проливе.

– Ваш отец отзывался о вас с большой похвалой, – сказала мать Тейя.

– Меня не удивляет мнение вашего отца, – отвечал Ань Бул, – за то долгое время, что мы, братья, были коллегами с отцом, я и сам оценил его благородство.

– Мне необходимы энергичные сыновья, – говорила мать устремив на Ань Була взор, – чтобы осуществить обширные свои замыслы. Хочешь подойти к стенам Тота и Тиннит? Я предлагаю тебе вести священную гвардию на север к Мосул Кале.

– Благодарю от всей души, – отозвался Ань Бул. – Мать меня презирала бы если б я отказался.

– Почему? – спросила мать.

– Потому, что мною дана клятва, и чтобы не случилось я останусь верен ей до конца.

– Это дело касается коллегии соглашений херусиастов. – добавила мать.

– Я обещаю провести тракиев до Мосул Кале. Я сохраню на престоле древнюю Мать Тейю. И вы, мать, я вижу, со мной соглашаетесь.

Тейя засмеялся.

– До чего мы преданы нашим Богам! Нужно не только сохранить трон крещений, чего ты – будь уверен – собираешься сделать, но всё зависит от превратностей войны. Одна-единственная неудача может лишить меня ореола славы, а первое поражение откроет путь Ань о Кийи в пределы на-

шего мироощущения. Что ожидает Баркидов?

– Тут вы, мать, совершенно правы. Вы верите в провидение, и я верю! Я не сомневаюсь, что в жизни не бывает случайных событий. По воле провидения, на рождество родился ребёнок, которому, своей солнечной Мощью, суждено было обвить вас частицей своей. Я верю, что провидение возложило на вас великие надежды лелея грандиозным замыслом. Солнце на земле – Вы! И если на вас возложена миссия свыше, я ничего не боюсь. Мощь Мелькарта охраняет дело, как надёжный щит. Если же мы заблуждаемся, стало быть, такова воля провидения, ему надлежит радеть о судьбе Эшмуна. Но я вновь говорю о миссии. Вечный Город – Исиза Тан Бул – ожидает строительство. Откуда, придёт гениальный человек, который положит первый для него камень: все содрогаются при виде вас помышляющей о мире. А кто заметил мать, когда после предательского убийства мужа, всполошились претенденты на его власть. Кто вас распознал, когда мать моргая глазом производила смотр обезглавленного войска? Вас не распознала даже прозорливая Ань о Кийя. «Наградить и отстранить», – требовала она. И вот вы, мать, опередили всех убеленных сединою друзей вашего мужа и единолично правите, как Гет Бел Ра Амон! Не противься, мать, воле провидения, которое избрало вас, а не то оно сокрушит вас!

– Если ты погибнешь, следуя законам предков, – ответила мать, – то мать простит невольный грех верного своего сына. – Тейя положил руку на плечо Ань Була. – Предоставь со-

бытиям идти своим чередом, и ты увидишь, как Ханнат рушит трон соперницы, как падают к стопам моим венцы противных мне небожителей, – сказала она.

– Жаль, – ответил Ань Бул, – что не все троны понимают ведомое тобой текущее положение вещей.

– Преданность принципам доказывает благородство её божественной природы. Впрочем, и маленькие божки пользуются влиянием в среде своих народов. – Тейя в полголоса добавила. – И всё же придётся с ними покончить.

– Я начинаю думать, что вступаю в дикую сделку.

– Дело в том, что я не только стратег, но и вершительница и мне предстоит организовать исход части орды на север к реке Молоха. Я требую, чтоб ты с народом прибыл к храму Тота и Тиннит. Я это предлагаю. Мне сообщили, что союзные армии находятся близко ко дворцу Общины Знания и мне известно, что войском командует способный стратег. И должно быть, – рассуждала мать вслух, – союзники сражения нам не дадут, как и мы того не желаем, но подобьются под сражение при неудаче моей тут.

– Не может быть, мать, – воскликнул Ань Бул, – чтобы эти известные мужи вели войну столь гнусным способом!

– И тем не менее поступим именно так. Пойми меня, сын: я не говорю, что союзники так поведёт войну, я утверждаю, что так они поступят от имени Бога.

– Час жителей Ар Сак пробьёт: город умрёт и родится новый! – Сказал Ань Бул весьма торжественно.

– Твоё правосудие верное, – призналась мать, – город Ар Сак, с непослушными мне саками, должен пропасть, но там пять тысяч воинов. Так вот, с этими пятью тысячами трудно будет вести войну войску, которое старший сын – Тайт Мосул, бросит на стены.

Тайт Мосул улыбнулся.

– Думаю вы, мать, преувеличиваете расхваливая этих бойцов.

– У Ар Саков тысячи солдат, но у меня десятки тысяч, и я прикажу им удалить их из города. Мы одержим победу и переступим через выстроенный вал, вы сможете сказать, что нам доставило победу численное превосходство. Я признаюсь: мой приказ осуществится быстро.

Тайт не сомневался, что приговор городу вынесен окончательно и будет приведён в исполнение.

– Да хранит тебя Мелькарт, – отвечала мать. – Надеюсь, что мы подойдём к стенам Ар Саки до того, как сойдёт снег.

– Идея весенней осады беспримерна: прекращение речной навигации не позволит подвести хлеб в город, а не засеянный по весне хлеб не заполнит по осени их закрома.

– От скоротечности дел у города зависит успех Ханнат-Разрушительницы – счастье или горе нашей жизни, – мать сказав такие слова пристально посмотрел на старшего сына.

– Оу! – воскликнул Тайт. – Если скоротечность не служит препятствием, то я в этом случае не откажусь от него.

– Это естественно: вы старший сын своего отца.

– Мать предоставила сыновьям полную свободу в выборе пути действий и Исиза в Исиде живой будет счастлива.

– Я оставлю в Бел Городе младшего сына Ань Мага – это будет хорошо сохранять влияние Баркидов в городе, – заявила мать, останавливаясь у дверей, – благодарю вас сыновья, но я вынуждена теперь вас покинуть.

Глава – 7

Не дружи с глупыми, развратишься. Зло преследует. Воздавай себе добром. Оставляй наследство внукам. Богатство берегается праведнику. Кто любит, тот наказывает. Притчи Тин_ниТ.

Ань Ти Нетери перед тем, как войти во дворец взглянула на солнечные часы, которые показывали уже начало второй половины дня. Она сделала шаг и обыкновенно вошла в вестибюль чуть согнувшись, как будто под тяжестью мысли, и заложив руки за спину. При этом время от времени она произвольно шевелила нижним веком своего правого глаза, словно по нему пробегала нервная дрожь, и тут же у неё подёргивалось правое плечо. Это нельзя было бы назвать судорогами, то был обыкновенный тик, доказывающий, что она чем-то поглощена, испытывает глубокое – отвлечённое от тела – мышление. Владыка Надзора обдумывала свои грандиозные замыслы.

После бесед она, по обыкновению, диктовала приказы, а затем она до страсти любила принимать ванну, у неё была неодолимая потребность в купанье. Она принимала горячую ванну через день и просиживал в ней добрый час, причём служанки то и дело подливали горячую воду, пока вода в ванне не становилась до того горячей, что женщина начинала задыхаться в пару, только тогда Тейя позволяла им открыть

узкие ставни прорезей окон. Ей было страшно оставаться одной в ванне и она, боясь за свою жизнь – история помнила не мало примеров утопления или удушения – взывала служанок не оставлять её, не покидать зала ни на минуту, требуя, чтобы всегда одна из них находилась возле неё.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.